

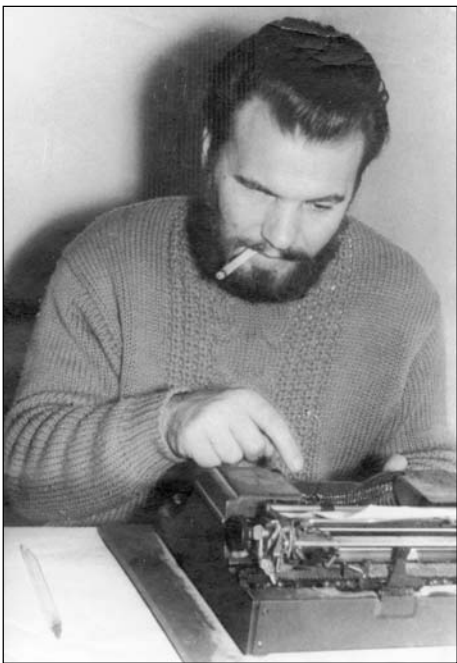
Н

а меловых отрогах правого берега Дона лежит старинное русское село Дерезовка. Здесь родился, жил и похоронен Василий Белокрылов. Писатель всю свою недолгую жизнь был крепко связан с малой родиной; если и уезжал, то вскоре возвращался: писать, работать, отдыхать, общаться с земляками, родной землей, Доном, лесом. Вернулся он сюда и умереть...

В предпоследний день морозного января 1937 года в семье колхозников Алексея Ивановича и Прасковьи Андреевны Белокрыловых родился сын Вася. Кто мог тогда знать судьбы этих рожденных перед войной детишек? Но мама, Прасковья Андреевна, позже рассказывала: «Когда Василька крестили, священник предрек ему известное будущее».

К концу 1939-го началась финская война, и в 1940-м году отец ушел на фронт. Потом были трудные дороги Великой Отечественной. Домой он больше не вернулся.

Спустя много лет в одном из писем Белокрылов вспоминал: *«...жил я без отца. Помню миг, когда прыгнул с печки в его руки — он уходил на войну с финнами...»* И еще одна запись из архива: *«...Эх, посмотреть бы мне письмо с фронта моего погибшего отца!»*

Василий Алексеевич Белокрылов за работой. Середина 1960-х годов

Когда закончилась война, в сельское, при восстановлении утраченных при эвакуации документов, Васе убавили один год — чтобы матери на год дольше платили пособие по потере кормильца. Так официальным годом его рождения стал 1938-й.

«После ухода отца на фронт все мужские заботы семьи Белокрыловых взял на себя дед, Иван Яковлевич», — вспоминает друг писателя, Василий Звягин. Прасковья Андреевна работала от зари до зари. Воспитание Васи легло на плечи деда и бабушки. Дед, донской казак, стал самым важным человеком в жизни внука — его слово, пример, дело были непререкаемы. Сам Белокрылов был уверен, что без деда он стал бы другим.

Годы спустя в переписке с дочерью Василий Алексеевич рассказывал: «...Зато деда и бабуку — этих родных мне до каждой кровинки моего тела людей, помню до беспомыслия. Бабушка Малашка (Меланья) по крови мне была чужой (вторая жена моего деда), но любила она меня, Господи, сильнее, нежели своего родного внука Толика. А уж дед... «Унук, —

говорил он, когда я что-нибудь вытворал. — Унук, запомни: на твою шапку всегда другая шапка найдется...» Как в воду глядел дед мой Иван... О деде своем я уже много написал, а он как персонаж неисчерпаем, ибо был сложный, трудный и, в конечном счете, очень добрый и сердцем к другим слабый человек, который при вспышке гнева мог в доме все окна погвоздить, потом день-два мучиться, никому не показываясь на глаза, и, наконец, достав стекла, начинал вставлять «глазки».

Бабушка, как сейчас вижу, выходила и лупцевала его по спине или рогачом, или кочергой и приговаривала: «Вот тебе, кобель! Вот тебе, мука ты моя вечная!», а дед гнулся перед ней в дугу (метр 87 см рост у него был) и просил: «Бей меня, Малаш, бей большой дурака безмозгло!» А гончая сучка Пальма (рыжая, с красной была) на животе подползала к бабушке и, уловив миг, лизала ей руки. «И ты за него, окаянная!» — обессиливала бабушка и шла к крыльцу, откуда грозила: «Я вот вам сейчас...», — и выносила или два блинца, или два пирожка из муки на жмыху... То были люди чисто русские...»

Начав писать, Василий Алексеевич практически в каждом своем произведении показывал черты деда в ком-то из героев. Вот Белокрылов-внук делится откровением в рассказе «Лощина» (не вошедшем ни в одну из его книг): «Не будь деда, Лощина, может быть, и не стала бы для меня тем самым местом, без которого не во всем полноценной воспринималась бы мною собственная жизнь...»

Прасковья Андреевна, потеряв мужа, одна поднимала сына. Васятке своему единственному отдавала любовь и свет, и жизни смысл, и тепло, и понимание... А он потом рассказывал: «...А мать... Бедная моя мать трижды, если не больше, отказывалась от замужества только ради того, чтобы я остался на родовом дворе...»

Когда в 1942-м фашисты заняли село, они выгнали всех из домов, сначала за бугор в овраги, а затем в дальние села и хутора. После освобождения Дерезовки в декабре этого же года люди потянулись домой. Жить приходилось и в землянках, и в сараях — домов почти не осталось. Питались лепешками с примесью жмыха, лебеды и желудей. Скучных продуктов до нового тепла не хватало. Бабы тогда шли в глубинные хутора и меняли какое-то барахло на кукурузу, овес или пшеницу. Потом это зерно делили на ежедневные маленькие части, чтобы растянуть до нового урожая. В ступе зерно толкли, потом мололи на самодельных мельницах, варили каши на воде, а из зерновой шелухи — кисель. Получался он кислым до сведения скул, но выбора не было. Выручали тогда рыболовные и охотничьи трофеи деда Ивана. И голодная соседская детвора сбегалась к ужину, зная, что если дед что-то поймал на Дону, то миску ухи им всегда нальют.

Топить избы и землянки было нечем, в ход шли в основном мерзлые былки подсолнечника с полей да сушеный навоз. Заготавливали топливо чаще всего дети.

Позже эти пережитые голодные годы стали основой для незавершенного романа «Земля держит всех». А в 1974 году в статье-поздравлении работников сельского хозяйства с их профессиональным праздником Белокрылов писал: «...*Всякое было на нашей земле... Была и самая страшная из всех войн война, а вместе с нею пришли на нашу землю разруха, нужда и голод. В развалинах лежали города, сожжены были села. Нечем и не на чем было пахать, нечего было сеять. Реденьким, жидким всходило на полях и огородах жито. Когда попевало, на огородах был на учете чуть ли не каждый колосок, и каким же вкусным казалось щупленькое зерно, все-таки уворованное со своего же огорода. Такое было каких-то тридцать лет назад, и об этом тоже надо помнить!..*»¹

Дерезовка была линией бомбежек — в этой земле до сих пор еще лежат снаряды и мины Великой Отечественной. А тогда подростки и дети помогали военным разминировать поля и дуга. Находили снаряды и разбирали сами. Гранаты не вызывали страха — пацаны их обменивали меж собой на другие подобные «игрушки». В одной из таких «операций» — на раскопках немецких блиндажей — Вася сильно повредил глаз. «Увидел вымытую половодьем маленькую красную итальянскую гранату, решил бросить. Разорвалась недалеко, осколок зацепил правый глаз...»² Глаза подросток лишился навсегда, зрение сохранилось только в другом. Но — выжил.

Родившийся на Дону и воспитанный дедом, промышлявшим на жизнь большой семьи рыбой и охот-

Василий Белокрылов с матерью Прасковьей Андреевной

нчимыми трофеями, Василий стал заядлым рыбаком, позже — увлеченным охотником. Заслуга деда в этом полная: первая удочка и рыбалка, первое ружье и охота... А внуком с друзьями были исхожены все тропы охотничьи по лугам, полям и лесам. Ягоды, травы, грибы собирали. Василек природу знал и понимал, любил и напитывался силой от нее в течение всей жизни.

Учился Вася сначала в Дерезовке, а потом — в Новой Калитве, где была средняя школа. Математику и точные науки не понимал и не принимал, а вот литература стала его любимым предметом. Учитель литературы и истории Иван Иванович Ткаченко рассказывал: «Бывало, Белокрылов писал сочинения в стихах».

Из воспоминаний Михаила Михайловича Редькина, уроженца Новой Калитвы: *«Василий Белокрылов учился в школе на два года старше меня. В школе тогда было очень много детей из окрестных сел, обучение шло в две смены. Но Белокрылов выделяется. Все его знают. Сверстники к нему льнут, стремятся приблизиться — от него исходит притягательная сила. Он и артист, и поэт, и интересный собеседник. Помню концерты в районном Доме культуры. Зал забит до отказа — зрители даже вдоль стен стоят. Вот на сцене — ученик местной школы Василий Белокрылов. Держится свободно, уверенно. У него приятный голос. Поет песню из кинофильма: сильный, густой, мелодичный голос его завораживает... Пел Василий тогда под аккомпанемент баяна.*

Круг ближайших его друзей — Василий Жиляев, Виктор Семелюк, Борис Таранцов, Олег Лещенко. Все увлечены гиревым спортом, их часто можно было увидеть на школьном турнике. Белокрылов еще в школе мог держать стойку на одной руке».

Потом, переезжая с места на место, Василий возил с собой гирю-двухпудовку. Постоянно занимался, выжимал одной рукой две гири — 32 и 16 кг. Умел делать «казацкий крест» — правой пяткой осенял себя крестным знамением. Знал навыки рукопашного боя. Его сильная, крепкая, мужицкая фигура выделялась на фоне любой компании.

В Новой Калитве случилось еще одно судьбоносное явление в его жизни — именно там Василий научился играть на гитаре. Его друг, Виктор Семелюк, позже любил повторять, что он стал учителем по гитаре для Белокрылова. А школьный приятель писателя, позже заслуженный работник культуры, директор Новокалитвенского Дома культуры Николай Басов вспоминал: *«В нем чувствовалась уверенность, бодрость, казачья хватка. Я не скажу, что мы считались друзьями (сказывалась разница в возрасте), хотя такого друга неплохо было бы иметь. Но совместные записи на радио, концертные выступления на фермах, на полях станам, в клубах соседних сел и деревень, естественно, сблизили нас. А он был постоянно со своей спутницей-гитарой. Веселый, жизнерадостный, короче — заводной. Всегда найдет возможность кого-то поддержать, вовремя ввернуть шутку.*

Никогда не забыть, как он с чувством пел: «...В небесах мы летали одних. / Мы теряли друзей боевых. / Ну, а тем, кому выпало жить, / надо помнить о них и дружить!»

Да, о таком самородке надо помнить, надо рассказывать молодым, чтобы знали, чтобы вечно помнили.

А как он искренне относился к народной мелодии! Возьмет гитару, прокатит ее по струнам, по ладам и вдруг с трепетным волнением запоет: «Ой, то не вечер, то не вечер...»³

Из воспоминаний М.М. Редькина: *«Даже физический недостаток Василия (он смотрел на мир одним глазом) видится окружающим не как порок, а как особенность внешности. Будущий писатель нравится девушкам. Позже моя*

одноклассница Нина Пономарева, одна из лучших учениц, красавица и умница, выходит замуж за Василия.

Тогда было время кино. Когда привозили новые фильмы, мы убегали в клуб с уроков (учились во вторую смену). Однажды в 8 классе мы с друзьями ушли на фильм «Максим Перепелица». Вернулись, а в школе стенгазета висит:

Какая спешка с полудня!
Боюсь, что с ног собьют меня.
Из «Б» восьмого эти лица,
На фильм «Максим Перепелица»
Они бегут, сорвав урок.
Пойдет ли им ученье впрок?

И подпись: Василий Белокрылов.

Мы тогда думали — он станет поэтом. Помню начало его стихотворения тех лет:

Зари полоска узкая
Зажглась среди облаков.
Шумит березка русская,
Не досмотрела снов...

Белокрылов был знаменит в школе не только стихосложением, он много читал, знал наизусть стихи, пересказывал содержание книг. Ему светило необычное будущее».

В Новой Калитве выходила районная газета «Красное знамя», где печатался школьник Белокрылов. В октябре 1951 года на ее страницах в рубрике «Уголок школьника» появился маленький рассказ Васи Белокрылова «Говори правду!» Для ученика шестого класса и тема, и мораль рассказа прозвучали достаточно зрело. Рассказ привлек читателей, которые запомнили имя юного автора. В сохранившемся номере газеты за 1954 год есть два его детских стишка: «Доярка» и «Ночь». Василий Алексеевич спустя много-много лет вспоминал, как редактор газеты Иван Михайлович Середин и ответственный секретарь Алексей Иосифович Багринцев учили его писать. И наизусть читал эти свои первые наивные сочинения, напечатанные тогда в районке. Сохранилась в архиве и записка Василия о школьных друзьях и одноклассниках «Полезный вечер в школе» (1955). Публикации его в районке были постоянными.

Из рассказа друга Бориса Таранцова: «Его сочинения (В.Белокрылова. — Т.Б. по литературе тянули на две пятерки сразу, а знания точных наук норовили «замереть» на отметке два. Он смело и умно говорил с учителями, выходя на уровень дискуссии и зачастую «сажая в лужу» своими ответами. Потому большинство педагогов предпочитали не связываться с умником. Лишь директор школы Павел Иванович Жилиев, отец поэта Василия Жилиева, пытался найти подход к ученику, предложив избрать его секретарем комсомольской организации школы(!) и старостой хора.

Свободолюбивые манеры Белокрылова притягивали к себе внимание одноклассников. Говорил он на дерезовском диалекте, и язык его был необыкновенно сочен и заборист. А юмор в нем так и искрился. К примеру, Белокрылову как победителю смотря самодеятельности выдали как-то со сцены премию в сотню рублей. А сумма почему-то нашлась только рублями. Получив премию, Василий деловито осведомился: «Усе?» И, поплеывая по-стариковски, пересчитал: «Усе». А товарищам пояснил потом: «Что ж они так, чуть не медяками... Неуважительно как-то к народу...»

...С девушками был церемониален. Помнится, собирались мы на встречу с

понравившимся девочками и решили предупредить их запиской. Продиктованная Василием, она начиналась так: «Многоуважаемые сеньориты...» О, это был первый эрудит в школе... Мой одноклассник и друг мечтал стать писателем. «Да куда тебе... — говорили учителя на выпускном. — Не станешь». А он, сын доярки, с плебейской гордостью, с очень уязвленным самолюбием все же пошел писательской тропой...»⁴

...На пожелтевшем листочке из дневниковых воспоминаний писателя, обнаруженном среди кипы бумаг разброшенного по разным адресам архива, неожиданно нашла: «Где-то развита мысль, что случайное появление в жизни (мое, например, рождение) определяет в основном всю ее будущую суть. <...> Отец и мать меня не «планировали», а дед запрещал рожать, потому что был голод. Мать ела много желудей — отсюда «дубовость», «желудевость» в характере, как пророчили...»

Верно напророчили: от задуманного — стать писателем — он не отступил! А впереди была жизнь, обозначенная головокружительными взлетами и оглушительными провалами...

Но творческая судьба — его предназначение — только начиналась...

ЖУРНАЛИСТИКА — МЛАДШАЯ СЕСТРА ЛИТЕРАТУРЫ

Один из рассказов юного сочинителя был о молодом герое-кавалеристе, описанном с деда-соседа, Сергея Яковлевича Фролова, участника Гражданской войны. Автор отослал свое сочинение в Воронежскую писательскую организацию на имя Михаила Яковлевича Булавина, рассчитывая на публикацию в областной прессе. Через несколько дней ему пришло пухлое письмо. В нем — пять листов машинописного текста, подписанные М. Булавиным. «По содержанию произведение очень слабое, — отмечал писатель. — Почему так получилось? Потому что ты стал писать о времени, для тебя далеко и неизвестном, о событиях, тебе неизвестных и непонятных. Ты не знаешь ни деревни того времени, ни людей, ни их языка, ни нравов, ни обычаев, ни уклада семьи и быта, понятий и воззрений, поэтому произведение получилось наивным, не отражающим той действительности».

Но рецензент и обнадежил: «Что же касается литературного слога, изложения, языка, литературной грамотности, то нужно просто сказать, что для ученика 7 класса это больше чем похвально. Это превосходно. Если ты и впредь будешь изучать русский язык, изучать и наблюдать жизнь, записывать свои наблюдения, читать художественную литературу и писать о том, что тебя влечет, что тебе более знакомо и близко, из тебя выйдет литератор, и ты будешь писать».

Интересно, что на оборотной стороне этого письма Василий Белокрылов написал: «Психоидеология моего героя, в основном одного, совершенно неправильна с точки зрения советской морали, хотя в действительности это было так...»

В этом большом письме рецензент напрочь разбивал авторскую подачу личности главного героя: показывал ошибки в его портрете, поведении, чертах характера, которыми его наделил юный автор; критиковал за отсутствие реализма. Булавин писал: «Может быть, у Фролова сложилась жизнь очень интересно, но этой жизни мы пока не видим в твоем произведении, а то, что написано, нас не может заинтересовать. Это субъекто личная жизнь Фролова. В ней нет ничего героического, возвышенного...»

История этого рассказа имела забавное и — одновременно — поучительное продолжение. Сергей Яковлевич, главный герой произведения, прослушав чтение булавинского письма, крепко обиделся: «Вежливый! Реализма ему нету!..» Обида

была на то, что писатель не признал в молодом кавалеристе его, Фролова. Он пригласил Васю с собой на рыбалку, и на лодке добрались они к дальним озерам за Доном. Там дед вытащил из мешка три свертка, в которых оказались... пистолет, казацкая шашка и турецкая сабля. Доказательства! Взяв шашку в руки, дед одним сильным взмахом снес ветку ракитника. Потом — еще и еще... И вдруг Василек «услышал резкий, леденящий свист выше ушей. Взглянул вверх, увидел еще раз занесенную над головой саблю и опустил голову. «Испужался?» — спросил дед. «Ага». — «Вот это и есть реализм...»⁵

Это была первая в жизни рецензия и первые литературные университеты будущего прозаика. Годы спустя, став писателем, Белокрылов познакомился и подружился с М.Я. Булавиным. А известный прозаик, автор романа «Богучарцы» и других популярных произведений, был рад, что не ошибся в своем подопечном.

Неудивительно, что после окончания десятилетки Василия сразу пригласили работать в районную газету. Но сначала, чтобы вырваться из колхоза (а тогда молодежь была накрепко «привязана» к родному хозяйству), Василию пришлось идти работать в каменно-щебеночный карьер каменоломом. Работа была тяжелая и опасная, не обошлось без травм — отлетевшим осколком камня Василию пробило голову. Но, к счастью, обошлось. И лишь в следующем, 1958 году, Василий был принят на работу в новокалитвенскую районную газету. Темы его первых профессиональных материалов были разными: вот статья с говорящим названием «Слесарь М.В. Красноруцкий», вот — критический обзор работы сельской культуры «От праздника до праздника»...

В марте 1959 года Василий Белокрылов становится членом Союза журналистов СССР.

Через год прошло территориальное реформирование районов — Новокалитвенский был упразднен. Следующие три года у Белокрылова была работа в верхнеамонской «Колхозной жизни» (1959–1962), позже в калачеевском «Сельском труженике» (затем переименованном в «Ленинский путь») — до мая 1968 года.

В газетах Василий Белокрылов вел авторские рубрики «Уголок охотника» («Колхозная жизнь»), «Природа, охота, рыболовство» («Сельский труженик»). Также литсотрудник пробовал себя в роли фельетониста и сатирика в рубрике «Сатирическая борона» («Имя ему — мещанин», «Ох, эти зубы», «Комаров уехал в гости», 1962), а также сочинял сказки («Барбос и Жучка», 1962).

Кроме ежедневной рутинной газетной корреспонденции, Белокрылов писал стихи и рассказы. В библиографических данных писателя в разных изданиях значится, что первый его рассказ, «Ночные звуки», был написан и опубликован в 1962 году в калачеевской районной газете «Сельский труженик». Однако сохранились номера газеты «Колхозная жизнь» за 1961 год, где вышло несколько белокрыловских рассказов, среди которых: «Как дед Егор в больницу попал», «Напарница», «Манька-Красавка» (этот рассказ, позже отправленный Константину Симонову, был им высоко оценен), «Трое в пути», «Авдеев «пулемет»», годом позже — «Бушуй», «Яшка и Мария Николаевна». А уже потом, перейдя на работу в калачеевскую газету (опять после расформирования районов), Белокрылов опубликовал рассказ «Ночные звуки». В 1963 году написан рассказ «Покупка», встречаются в газетах его стихи: «Будьте бдительные», «Невнимательная мать» («Сельский труженик», 1962) и другие.

В годы своей газетной деятельности Василий Алексеевич публиковался не только в районках, но и отсылал свои материалы в другие издания: «Комсомольскую правду», «Советскую культуру», «Советский спорт», областные газеты «Комму-

на», «Молодой коммунар». В Калаче он организовал и вел работу литературной группы.

Любую свободную минутку Василий отдавал своему призванию. И в рабочем блокноте или на отдельных листочках характерным белокрыловским почерком появлялись записи-размышления, путевые заметки.

Из записной книжки журналиста В. Белокрылова:

«Степной порыв вдруг обдаст меня прохладцей пруда, затаившегося в низине, или просто охолонит лицо. Что-то похожее на ядерную каплю дождя. И думается, как думалось когда-то в деревне — да откуда ему взяться, дождю? Не иначе — птичьи слезы. И верится, что видишь, как носятся птицы над сухменью суглинистых полей, кричат, и как падают сверху вниз, с высоты неба, на молодые зеленые хлеба.

Дымина в эти дни идет, и трудно понять — пылят ли гарью сжигаемые склады оставшейся в полях с зимы соломы или это мельчайшие крохи пыли. Едешь по вилючей полевой дороге, глядишь на хлебные остатки, скирды на обочинах, на серых намохлившихся степных ястребков, которые караулят добычу, и чувствуешь вдруг, как среди травы и зелени выбрасывают зачатки листьев дубы, идет над ясной землей жара, и в это время приходят ветры.

Ветер идет сюда с Приазовья, а может, и с самых Апшеронских лиманов. Он сух, порывист, гулок и пуст. Он дует неделями, казнит землю, мнет молодую зелень трав, расшатывает бурьян и кряжестойкие стволы приземистых степных вязов. Суховой... Над степными увалами и суглинистыми боками яров, над лесными посадками и травянистыми залежами бросовых земель целыми часами дуют ветры. Схватывают пыль с пашен, с полевых проселков, кособоко гонят грачей с проступивших лесных(?) массивов. На моей родине этот ветер зовут весняк. Честнее(?) же ему — другое имя — запекуха...»

В 1962 году Белокрылов начинает переписку с Константином Михайловичем Симоновым, которому решает послать свои рассказы с просьбой прочесть их и оценить. Вот как об этом вспоминал калачеевский журналист Иван Кузьмич Болдырев: «...Белокрылов по этому поводу рассказал следующее. Его тянуло дома по ночам сочинять рассказы. И самому они казались нормальными, тем более что их охотно публиковали в районных газетах. Но районные журналисты не ахти какие оценщики его способностей. Они-то похваливают. А какова ему цена на самом деле? Вот и осмелился однажды послать свои рассказы на суд самому Симонову. Надежда была малая. И если бы большой мастер прозы ничего не ответил, Белокрылов этому нисколько бы не удивился. Мало ему каких писем приходит? Но, к удивлению Василия Алексеевича, ответ пришел. И достаточно быстро. И ответ такой, что он очень обрадовал автора. Константин Симонов рассказы похвалил. Заметил, что у их автора есть литературная одаренность. Ему надо пробиваться в большую литературу. Но, как писал знаменитый автор эпопеи «Живые и мертвые», в наше время заявлять о себе лучше вещью покрупнее. Это настолько вдохновило Василия Алексеевича, что он тут же засел за повесть...»

Заочное знакомство Симонова и будущего прозаика длилось вплоть до встречи в Москве, куда Василий Алексеевич в 1963 году отправился на учебу в Московском госуниверситете. В старой записной книжке Белокрылова осталась короткая запись: «19 окт. 1963 года. В три часа говорил с Конст. Симоновым. Разговор изложен в письме к жене...»

«4 сентября 1962 года.»

Дорогой товарищ Белокрылов! Ну что ж, договорились, присылайте мне один-два рассказа. Только когда будете посылать — черкните где-нибудь сбоку, что рассказы мне Вы посылаете по нашей с Вами договоренности. Прочту — напишу. Если рассказы плохие, то коротко, а если интересные, то подлиннее.

С товарищеским приветом, К.Симонов».

Дорогой товарищ Белокрылов!

Прочел Ваши рассказы после возвращения из долгой отлучки. Сразу скажу, убежден, что Вы человек со способностями к литературе и что Вам не надо этих способностей закапывать в землю, а надо писать, и дело пойдет.

Могу ошибиться, все мы не застрахованы от ошибок, но думаю, что я прав в своем хорошем ощущении от Ваших рассказов.

Лучший из них — «Манька-Красавка», но хорошее есть во всех четырех рассказах. Слабее всех тот, который был для Вас самым трудным — «Утерянные деньги». А труден он у Вас был потому, что он не просто картинка, не просто момент, не просто наблюдение, а попытка рассказать целую историю, и в этой истории, когда Вы ее рассказываете, есть и удачи, а есть и совершенно ученические провалы. А удачи есть — хочу добавить — в каждом рассказе. Есть подробности, которые неопровержимо доказывают, что автор — человек, способный писать прозу.

Рассказы пока не возвращаю. Присылайте еще, напишите поподробнее о себе. Когда получу — прочту, постараюсь показать еще другим товарищам, посмотрим, как быть.

Желаю успеха. Жму руку. Константин Симонов.

Москва, 26.XII.62 г.»

Стоит ли объяснять, что значила для журналиста симоновская оценка? Это стало его направлением в Литературу. Начиналась новая эпоха в жизни — творческая. Но впереди были еще годы журналистики.

В 1963 году, основательно подготовившись, Белокрылов поступил на факультет журналистики Московского госуниверситета — на заочное обучение. Первокурсник жадно ловил все, что читали на лекциях. Доказательство тому — сохранившиеся фрагменты конспектов того времени. В блокноте с тисненым обращением на обложке «Участнику областного семинара журналистов — сентябрь 1963 г., г. Воронеж» следуют записи с занятий в МГУ — по русскому языку, литературе, истории, немецкому, экономике... Затем разбор стихотворных форм. Там же — о поэме В. Маяковского «Владимиру Ильичу Ленин»...

Окончить университет Василию не удалось — на третьем курсе он был вынужден оставить учебу по семейным обстоятельствам: у него уже была семья — жена и шестилетний сын. Но основа для дальнейшего образования была заложена.

В далеком теперь 1968 году (5 октября) Белокрылов пишет другу, художнику Ивану Лопатину в Калач: «...Недавно, разбирая свою библиотеку, я обнаружил пропажу 4 тома Стендаля и вдруг вспомнил, что однажды у меня был с тобой разговор как раз об этой теме. В нем рассказано об искусстве Италии, даны иллюстрации. Посмотри — не у тебя ли том? Если у тебя — вышли...»

По рассказам второй жены писателя, Веры Ивановны, всю свою жизнь он занимался самообразованием — его невозможно было увидеть без книги или газеты. Писал он, имея под рукой сначала школьные учебники русского языка, позже — словари и справочники. В одном из писем И.Абросимскому (28.01.1983) нахожу: «... Какой-то дурак утянул у меня 7 (седьмой) том на «Н» 17-томного словаря современного литературного языка. К этому словарю мне частенько

для сверки приходится обращаться к вам... Короче, слезно прошу пощадить книжных людишек в Богучаре, не помогут ли они добыть 7 том словаря...»

В 1962-м Василий начинает работу над своей первой повестью «Под солнцем покоя нет». Ей суждено стать началом большого литературного пути. В 1963-м здесь же, в Калаче, Василий Алексеевич замышляет крупное произведение — роман. Газетная работа и помогала, и мешала творчеству: она давала возможность публикаций и заработка, но нещадно крала время.

Из воспоминаний верхнемамонского журналиста Александра Багринцева, знавшего Василия Алексеевича, друга его отца-поэта, с самого раннего своего детства: *«Я помню его с начала 60-х. <...> Он, литсотрудник районной газеты «Ленинский путь», несколько месяцев по приезде в Калач жил в редакции. Вечером, когда в опустевших кабинетах воцарялась тишина, он брал в руки перо и до рассвета уходил от реальной жизни в мир литературной фантазии. Под утро, не раздеваясь, падал в изнеможении на хрусткий диван, обитый дерматином, чтобы после двух-трех часов забытья начать новый день в бесконечном круговороте газетных будней. <...> Дядя Вася зачитывал рукописи глав из первой своей книги «Под солнцем покоя нет», которая позже была напечатана в издательстве «Советская Россия» с добрым напутствием Константина Симонова, разглядевшего в молодом прозаике искру божью»⁶.*

«Прежде всего, с себя, с жизни в Новой Калитве, где учился в средней школе, а затем и начал работать в редакции, Василий Белокрылов писал свою первую повесть «Под солнцем покоя нет», — вспоминал годы спустя Э. Абросимов⁷.

В 1968 году, когда Василий Белокрылов работал уже над романом «Земля держит всех», поэт Алексей Прасолов, друживший с писателем, писал ему: *«...Роман твой в какой стадии? Трудно пишется? Как сочетаешь газетную поденщину со своим делом? Я не сочетаю, а порой беру у газеты время для своего дела. Оно ведь тоже не такое уж личное. Пиши, всегда можем поговорить о своем...» (11.04.1968, Россось)⁸.*

Можно спорить (ведь в этом процессе всегда как минимум две точки зрения, и каждая сторона уверена в своей правоте), однако все-таки повезло Белокрылову, что попал он в газету. Районкам того времени была близка литература, они привлекали таланты. Ведь не только надое и привесы, не только битва за урожай отражались в них, но и очерки, рассказы, фельетоны, стихи печатались... В коллективах газетчиков это обсуждалось (часто затем и с читателями), были яркие споры, своего рода состязание — кто талантливее... И слава газете, что не убила его как писателя. В этом его судьба схожа с судьбой Прасолова.

Были и другие отношения — неуважительные и неодобрительные, что могло быть исключением, которое, как известно, только подтверждает общее правило. Но «исключений» таких было (и есть) много, и они травили жизнь творческих людей, понижали самооценку, порождали сомнения. В обращении к другу, журналисту Ивану Михайловичу Абросимскому Белокрылов писал (01.02.1984): *«...Знаю я эту районную начальственную элиту. У них не отнимешь способность видеть тех, кто умнее их, а ум во все времена был страшнее всего для власть имущих — эка, нашелся! И умеют они, сволочи, бить по самому в человеке больному — по достоинству и по душе одновременно. Сколько раз я это на себе испытал! Особенно в Калаче, когда я, имея две книжки, был еще официально никто. Не считался же им с работником газеты, имеющим какой-то там билет Союза журналистов. <...> И вообще жуткое я замечаю — никакого уважения даже к творящим культуру, истинным делателям и создателям, а что уж говорить о рядовых тружениках — сеятелях «разумного, доброго, вечного», коими являются газетчики. Они каждый шаг нашего брата-литератора видят, ибо мы ходим пешком, а они всякую «гадость» творят на машинах...»*

Семья Белокрыловых в Калаче снимала квартиру, жилище нелегко. Времени на литературную деятельность не хватало. И в мае 1968 года Белокрылов завершает свою газетную работу. Это решение он принимает, прислушавшись к совету Константина Михайловича Симонова — чтобы писать, ни на что не отвлекаясь. Семья Белокрыловых переезжает из Калача в родное село.

Годы спустя в письме Ивану Абросимскому Василий Алексеевич (уже профессиональный писатель) напишет: «...«Борзописцы» — я не вкладываю в слово это обидного смысла. Да и сам им был, чем горжусь, представь!» (07.04.1983г.)

«СУДЬБА ПИСАТЕЛЯ — СУРОВАЯ СУДЬБА»

В 1963 году Василий Белокрылов отправляется на первую свою сессию в МГУ. Столичный мегаполис его удивляет. Выросший в глубинке, на вольных просторах, новоиспеченный студент попадает в иную жизнь. Огромный город, высокие скорости, другие заботы, иные ценности... Будущий писатель с трудом входит в этот водоворот толпы, суеты и отстраненности каждого от общества. И среди его лекционных записей появляются вкрапления новых рассуждений: «*Университет в первые дни умертвил вдруг все до сих пор сущее в нем. В себе самом он постоянно ощущал теперь какие-то иные понятия и иные мысли, а то, что окружало его там, откуда он приехал сюда, затушевало, стало незримым.*

Когда автобус шел вечером по университетскому проспекту, а он глядел сквозь стекло на высокую коробку здания со светящимися окнами-сотами, ему все время казалось, что это не электрический огонь, а ярко дымящийся мозг всех тех, кто запрятал себя в железобетонные клетки, сочится и вытекает, как угарный дух».

Или еще (с пометкой Белокрылова — «*строки из одного письма — для романа*»): «*Однажды с 14-го этажа высотного здания Московского университета я смотрел вниз и вдруг... с каким-то животным страхом смачнулся с подоконника. Что-то такое шевельнулось у меня внутри, и какая-то неведомая сила толкала меня перегнуться и прыгнуть. Тут было и немного любопытства (долго ли буду лететь и как?), и страх высоты, который хотелось побороть — и побороть, именно кувыркнувшись в пропасть, и даже еле уловимая, сосущая сердце тоска по зеленой земле, которая в тот миг была далеко внизу и манила к себе, звала настойчиво, требовательно и неумолимо. А вообще-то все эти (и даже не все!) ощущения можно назвать иначе — тягой к ничему, жаждой изведать гибель, извечное стремление завершить круг, когда-то и кем-то начатый...»*

Потом Василий Алексеевич привыкает к ощущению города, втягивается в его ритм. Понимая, что город дня него инороден, все же именно здесь он познает другую жизнь — с ее сложностями, пороками, свободой, за которую надо платить, с узнаванием многого нового, ранее ему неведомого. И это новое подталкивает к активному труду, к новым темам и направлениям.

Много лет спустя, в предисловии к книге «Долгая неделя» (1988) автор признавался, рассказывая о первой своей повести: «...*Не прояви К.М. Симонов настойчивости, повесть едва ли увидела бы свет. Я тогда не понимал, почему нельзя писать о коммунисте, который во время войны смалодушничал, струсил и, спасая свою жизнь, совершил предательство по отношению к товарищам. Я многого тогда не понимал и только теперь, задним числом, сознаю, сколь непросто было К.М. Симонову противостоять тому, чтобы от рукописи по мере ее прохождения в печать не остались рожки да ножки.*

И далее продолжал: «...*Знакомство с ним (К.М. Симоновым. — Т.Б.), позволившее в течение десяти лет видеть и ощущать его отношение к тому свято-*

В. Белокрылов (второй слева) с однокурсниками по МГУ. 1964 год

му делу, каким являлось для него все связанное с литературой, помогло мне понять, как необходимо сберечь себя от зряшной суеты вокруг того, что сделал, от погони за мнимыми ценностями, как важно сохранить в себе перво-данность мира и слова...»

В годы написания повести бодрое настроение автора читалось в письмах друзьям и, прежде всего, Константину Михайловичу. Белокрылов отсылает свои новые рассказы и главы первой повести своему литературному наставнику. И вот долгожданный ответ:

«22 января 1963 года.

Дорогой товарищ Белокрылов, рад был получить Ваше письмо.

Рассказ «Ночные звуки» мне не очень понравился, хотя есть в нем хорошие кусочки, но вообще, на мой лично вкус, он какой-то слишком красивый, а психологически в то же время расплывчатый, неопределенный.

Начало Вашей повести мне понравилось куда больше. По-моему, тут дело может выйти. Советы пока давать Вам рано. Пожалуй, единственный совет — когда будете писать дальше, пишите так же сдержанно, немногословно, как вначале. Не развозите длинных описаний, смело перебрасывайтесь с одного на другое, не заботьтесь о гладких переходах, не бойтесь острого диалога. Все это заложено вначале, вот за это и держитесь. А куда выведете повесть, сейчас, конечно, сказать трудно. От души желаю Вам успеха. Закончите — присылайте!

Вы, судя по началу, сразу пробуете писать без лишней воды, вот так и продолжайте. Пока это мой главный совет.

Жму руку. К. Симонов.

P.S. Рукопись пока оставляю у себя. Если будет нужна, напишите — вышлю».

И еще одно письмо:

«Дорогой товарищ Белокрылов! Получил Ваше письмо и прочел Ваш рассказ. Сейчас занят по горло. Поэтому очень коротко. Рассказ мне не понравился. Потом можем об этом поговорить поподробнее. Мой Вам совет, не отвлекай-

тешь, кончайте повесть, присылайте. Тогда обо всем сразу и поговорим. Рассказ не понравился, а то, что дело будет у Вас получаться — верю по-прежнему и нисколько не меньше, чем верил раньше.

Жму руку. Желаю успеха.

К. Симонов.

24 февраля 1963 года».

Весной 1965-го Василий Алексеевич завершает работу над повестью и полную ее рукопись пересылает своему учителю и другу. А в ответ получает... добрую рецензию! Ободренный высокой оценкой, Белокрылов пишет:

«Дорогой Константин Михайлович!

Совсем недавно я вышел из больницы (сделали резекцию желудка), и Ваше письмо с рецензией на повесть подействовало на меня лучше всех лекарств. Не знаю, правильно ли, но я написал А.А. Чернову коротенькое письмо, в котором прошу, если о рукописи сложилось какое-то мнение, написать мне. О рецензии я умолчал.

Чувствую себя отлично. Понемногу пишу, готовлюсь к сессии.

Всего Вам доброго.

С уважением — В.Белокрылов.

15.04.65 г., г. Калач».

Чуть позже в Москве он встречается с Симоновым, пригласившим Белокрылова к себе домой.

Из воспоминаний Б.И. Таранцова: «...Потом Василий не раз вспоминал эту встречу. Приехал по указанному адресу. Нашел дом. Решил постоять у входа у подъезд, дух перевести, обдумать: что сказать, с чего начать. А статью и походкой Белокрылов чем-то напоминал уссурийского тигра, да еще и руки у него как-то в стороны держались, будто приготовленные к драке. И тут из притормозившей в нескольких шагах «Волги» вышел... сам Симонов. Белокрылов — к нему наперерез! Скорее всего, известный поэт в первые мгновения испугался бойцовского вида приближающегося «циклопа». Когда же все выяснилось, произведения писателя из глубинки нашли одобрение корифея литературы...»⁹

А сам автор вспоминал: «Симонов, прочитав повесть, сделал немало замечаний, после переработки прочел рукопись еще раз и написал в отзыве, что повесть «...в общем и целом обрадовала, прежде всего, стоящим героем, а кроме того, многим другим — хорошим и хорошо написанным».

После окончательной готовности произведения Симонов «благославил» первую книгу молодого писателя. Но повесть надо было куда-то «пристроить». Из воспоминаний калачевского журналиста И.К. Болдырева: «...Симонов заранее предупредил Василия Алексеевича, что дело это трудное. Все журналы забиты рукописями, которые ждут своего часа порой годами.

В журналах Константина Михайловича встречали радушно. Поили чаем. И показывали свои годовые планы. Если они и возьмут повесть Белокрылова, говорили, то она будет дожидаться своего часа, вероятнее всего, годы. Это не устраивало ни Симонова, ни Белокрылова. Василию Алексеевичу хотелось заявить о себе в литературе как можно быстрее.

Наконец Симонов махнул рукой: была — не была. Пойдем, мол, к Борису Полевому в «Юность». Оба фронтовики. Друг не откажет. Друг действительно встретил гостей весьма радушно. Повесть была включена в план журнала. Но Константин Михайлович вдруг плюнул на журналы и повез Белокрылова в издательство «Советская Россия». Там дело решилось быстро. Рукопись взяли, и она безо всяких проволочек была принята к печати».

Белокрылов, улаживая вопросы с изданием книги, несколько раз ездил в столицу. И тогда, и после встречи его с мэтром были частыми, причем неоднократно — в квартире Симонова. А Константин Михайлович, узнав, что Белокрылов курит трубку, подарил ему одну из своей большой коллекции.

Продолжалась и их переписка.

Письмо К.М. Симонова¹⁰:

«Москва, 14 ноября, 1965 г.

Дорогой товарищ Белокрылов, очень жалко, что опять не повидал Вас во время Вашего приезда в Москву.

Со мной говорил Чернов. Я понял из его слов, что речь идет о предисловии к Вашей книжке. Мне кажется, что предисловиями у нас злоупотребляют сейчас, да и, собственно говоря, книжка в предисловии не нуждается, сама за себя говорит. Поэтому я сказал, что не вижу нужды писать предисловие к Вашей книжке («Под солнцем покоя нет». — Т.Б.)

Но если речь идет об использовании для аннотации хоть одного, хоть нескольких абзацев моей рецензии, хоть всей рецензии, — ради бога, я буду только рад оказаться в этом смысле полезным. Так что, пожалуйста, пользуйтесь этой рецензией по Вашему усмотрению. А я буду ждать выхода Вашей книги и буду очень рад за Вас, когда она появится на божий свет.

Жму Вашу руку. К. Симонов».

Ответное письмо В.Белокрылова (из архива писателя):

«Ноябрь 1965 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Я понимаю, в какое неудобное положение поставил Вас, написав Вам письмо об аннотации. С одной стороны, Вам трудно вообще сказать что-либо о человеке, написавшем свою первую книжку, и с другой, сложность в том, что тема моей повести далека от тех тем, которые волнуют Вас. И еще. Мне кажется, что книжка с предисловием как-то настораживает. Если она написана толково, достаточно написанного, а книжонку слабенькую никакие аннотации не спасут.

Пользуясь случаем, от всей души поздравляю Вас с приближающимся днем Вашего пятидесятилетия. Почему-то уверен, что сил у Вас — и физических, и духовных — хватит еще на одно полстолетие. Это, Константин Михайлович, ей-богу, не комплимент, ибо говорить эти самые комплименты я не умею.

Всего Вам доброго и в жизни, и в творчестве.

Ваш В.Белокрылов.

P.S. Народный университет культуры у нас в Калаче откроется 23 ноября рассказом о Ваших книгах».

Книга «Под солнцем покоя нет» вышла пятидесятитысячным тиражом в издательстве «Советская Россия» в 1966 году. Тогда, вдохновленный первым успехом, венчавшим его большой труд и сломавшим его сомнения, Василий активно пишет вторую свою повесть, рассказы, продолжает работу над романом. И в следующие два года в Воронеже одна за другой выходят его новые книги: в 1967-м — «Весна начинается с гроз», год спустя — «Мороженые яблоки».

Книгу «Весна начинается с гроз» Василий Алексеевич «списывал» с натуры молочно-товарной фермы №1 дерезовского колхоза «Заря коммунизма», которой заведовала его двоюродная сестра Нина Николаевна Курдюкова. В том же году на совещании молодых писателей Центрально-Черноземной зоны эта повесть обсуждалась и получила одобрение.

В августе 1967-го Белокрылов писал К.М. Симонову:

«Дорогой Константин Михайлович!

Письму Вашему, как всегда, был рад. Теперь при вступлении в Союз (речь о заявлении Белокрылова о приеме в Союз писателей СССР. — Т.Б.) меня не будет мучить совесть, что я делаю это без ведома человека, которому обязан всем, буду знать, что Вы одобряете этот мой шаг, а это для меня очень и очень дорого.

Месяц отдыхал у себя в селе на Дону и с неохотой уезжал от тишины, трав и запахов. И почему-то не один раз думал, что Вам на моей родине и отдыхало бы отлично, и писалось бы тоже здорово. Не было бы звонков, совещаний, встреч, просьб и всего того, чем Вы с утра до вечера окружены в Москве.

В селе я написал два рассказа. Один из них — «Митрич и солнце» — вышел, кажется неплохо. Я думал-думал и отослал его в «Лит. Россию». Однажды я посылал туда свой рассказ. Мне ответили, что он понравился, но напечатать рассказ нельзя, ибо он слишком мал. Не знаю, что ответят на этот раз, но хочется, конечно, чтоб напечатали.

В сентябре думаю вырваться в Москву. Хотелось бы повидать Вас, но Вы, судя по адресу, сменили квартиру, а приехать к Вам, предварительно не позволив, как-то неудобно. Если можно, сообщите мне теперешний номер Вашего телефона. Крепкого здоровья Вам и всех благ!

Всегда Ваш В. Белокрылов. 20.VIII.1967 г.»

Сохранилось и ответное письмо из Москвы.

«Москва, 28.VIII.67.

Уважаемый Василий Алексеевич!

Сегодня пришло Ваше письмо на имя Константина Михайловича. Поскольку Вы предполагаете в сентябре быть в Москве и хотите повидаться с К.М., хочу предупредить Вас, что он сейчас в отъезде и вернется, видимо, не раньше 20-го сентября. Новый телефон Константина Михайловича:

АД-87-15

Желаю Вам всего доброго.

Уважающая Вас Тамара Дубинская — литературный секретарь К.М. Симонова».

Автор признавался в письме Ивану Абросимскому: *«Вот уже больше года я чувствую какое-то необоримое желание писать рассказы. Может быть, потому, что рассказ — один из трудных жанров прозы и мне хочется попробовать свои силы; может быть, и потому, что многие явления жизни, на основе которых нельзя построить повесть, привлекают внимание своей значительностью, но потребность писать рассказы очень велика. Кое-что сделано. Два лирических рассказа я предложил журналу «Молодая гвардия». Один из них уже опубликован в первом номере журнала за этот (1968 — Т.Б.) год, второй будет напечатан в апрельской или майской книжке журнала. В первом номере «Подгёма» выйдет еще один мой рассказ. Сейчас работаю над другими. <...> Не отказался я и от жанра повести. Летом этого года должна выйти в свет небольшая книжка под названием «Мороженые яблоки». В ней я попытался рассказать о тяжелом детстве мальчишек, которые в конце войны начинают познавать и первые трудности букваря, и мудрость жизни...»*

Повесть «Мороженые яблоки» во многом автобиографична — она о поколении родившихся перед войной, их трудном детстве, воспитании, о ценностях жизни. В книге фигурирует дед главного героя книги, характер и черты которого списаны с дедушки самого автора.

Белокрылов считал «Мороженые яблоки» лучшей своей вещью.

Подтверждалось это мнение и многочисленными отзывами читателей. Из письма Алексея Прасолова: «...Вкратце о «Мороженох яблоках». <...> Вася, наше милое детство — и сила, и беда наша. Я тоже в своей постылой и чем-то неотвязно-милой прозе моей, — на кою боюсь сейчас взглянуть, — сквозь детство или — о детстве сквозь зрелость. И жутко, когда в последнее время там и тут натыкаюсь на то же у других. Чувствуешь себя страшно скованным этим детством. У тебя — свободно, увлекательно и, наверно, интересней для взрослого, чем для того, для кого предназначена книжка. <...> Дай бог, чтобы твои те рассказы прошли под прилолкой, не задев темечком оную. И все же хорошо, что повесть продолжает тебя мучить...» (10.02.1970, Хохол).

Белокрылов начинает работу над новым большим произведением, пишет рассказы. Вот строки из его письма художнику Ивану Лопатину (3 мая 1969 г.):

«...Сейчас готовлю книжку рассказов для издательства «Советская Россия». Если успею, <...> книжка будет сдана в производство уже в июле. Значит, (при условии, что все пойдет нормально) к концу года книжка рассказов выйдет. Усложняется дело тем, что к маю я должен был дописать два-три рассказа, в общей сложности 40 страниц на машинке. Я этого пока не сделал. Ну а потом, после того, как разделяюсь с рассказами, буду кончать для журнала «Молодая гвардия» ту повесть о начинающем художнике, над которой начал работать еще в Калаче. Она наполовину готова...»

Позже писатель напоминает И. Лопатину: «...Помнишь, я читал тебе начало повести о художнике? Повесть эта развернулась в роман...»

Речь в письмах идет о повести, позже переросшей в роман «Жизнь как жизнь». Однако работа над ним оказалась самой сложной в творчестве и, пожалуй, самой долгой — до выхода первой части было еще десять лет...

30 марта 1971 года рождается первый номер верхнемамонской районной газеты под новым названием — «Донская новь». В нем публикуются главы из повести «Весна начинается с гроз». А 3 апреля автор повести пишет редактору газеты тех лет Эмилию Алексеевичу Абросимову письмо: «...Выхода первого номера газеты я с нетерпением ждал, ибо газета эта в какой-то мере — родная мне газета. В ней по сути дела начинал я работать в 1959 году, расставшись с иллюзиями и со всем тем, чем может тешить себя человек, у которого за плечами десятилетка и уйма планов в горячей голове. Впрочем, какую-то часть задуманного осуществить все же удалось. Итак, позвольте <...> поздравить с началом работы на верхнемамонской земле и Вас, и всех работников «Донской нови», пожелав вам всем и остроты пера, и добрых отношений друг с другом. Спасибо, что публикацией отрывков из повести коллектив деликатно осведомил меня, что обо мне кто-то вспомнил. Это хорошо, ибо в наши дни, по словам Федина, любить работу ближнего становится утраченным искусством. Рад, что сказанное Фединым не распространяется на всех. Сразу скажу, что по мере сил буду способствовать процветанию «Донской нови»...»

Забегая вперед, скажу, что дружба писателя с районкой длилась до последнего его вздоха. Продолжается она и теперь, когда память о земляке-писателе живет и на страницах газеты, и в сердцах читателей.

А тогда, в 1971 году, в московском издательстве «Советская Россия» выходит сборник рассказов писателя «Страна голубых снегов». Так называлась в книге страна его детства.

В это время Василий Алексеевич недолго работает учителем в Дерезовской школе. И вновь работа, позволяющая не быть нахлебником, отнимает время у творчества, которое не терпит измен. В конце 1971-го писатель уходит из школы.

Поиски себя, размышления и рассуждения о месте художника в жизни волно-

В. Белокрылов с сыном Сашей, г. Калач. 1960-е годы

вали писателя постоянно: он мучился, часто не находя ответа на возникающие вопросы... Речь о том шла и в переписке с друзьями. Вот К.М. Симонов отвечает на полное сомнений письмо своего подопечного.

«Дорогой Василий Алексеевич!»¹¹

Вернувшись после отъезда на довольно долгий срок, получил Ваше письмо, и в самом деле, не знаю, что и ответить Вам. Бывает так в жизни — письмо требует ответа, потому что касается важных вещей в жизни человека, а что отвечать — не знаешь, потому что не знаешь сам, как быть с этими важными в жизни человека вещами, как поступать, как сделать так, чтобы людям стало легче. Ведь, в общем-то, за вычетом наших личных житейских писательских огорчений, если ты человек, который собирается сделать в литературе что-то важное для людей, то главная причина твоих огорчений состоит в том, что ты не знаешь — как все-таки сделать так, чтобы людям было лучше жить, чтобы они сами были лучше.

В сущности, к этому сводится и Ваше письмо, за которым стоят Ваши огорчения и мои собственные мысли, которые не позволяют мне внятно ответить на Ваше письмо, потому что я сам не очень-то знаю, что делать, чтобы людям было лучше.

Вот собственно это и есть то главное, что мне хотелось Вам ответить.

Сажу над романом, никак его не закончу. Но, видимо, все-таки закончу, а дальше пока не знаю, как оно будет.

Я всегда рад получать Ваши письма и прошу Вас помнить это.

Крепко жму Вашу руку. Ваш Константин Симонов. 10.04.1970 г.»

А в этом письме Василий Алексеевич обращается к И.Е. Лопатину (07.06.1970):

«...Ты — художник, не сумевший пока преодолеть барьера притяжения к чьим-то темам. Найди свою! Ты можешь годы и годы писать лица людей, писать отлично, талантливо даже, но так и останешься художником в тех понятиях, о которых я говорил. До тех пор, пока не напишешь что-то, в чем будет сконцентрировано общезначимое. Тебе легче, нежели другим, потому как в жизни ты оригинален, личность уже в каком-то смысле, пусть и с маленькими, но чудаче-

ствами, а не тот <...> во всем правильный человек, которого я, как N<...> называл передовым членом... толпы. От толпы надо уходить, для ее же пользы, между прочим. Игра в простоту, в близость к брату своему крестьянину закончится несложной простецкой игрой; обозлишься на весь мир, который тебя не признал, будешь страдать манией величия, чуточку всех поучать и носить тогу великомученика. Избавь тебя, боже, (да и меня тоже!) от всего этого!»

Наполненная творчеством жизнь, достижения, признание читателями, взлеты ни на миг не могли приостановить внутренней борьбы и сомнений.

В октябре 1971 года Союз писателей России и Центральный Комитет комсомола проводят в Туле Всероссийское совещание молодых литераторов, куда от Воронежской писательской организации отправляются молодые литераторы Василий Белокрылов и Евгений Новичихин, руководитель делегации — писатель Игорь Чемяков. Об этой поездке Евгений Григорьевич Новичихин написал позже в своей книге «Штрихи. Воронежские писатели второй половины XX века» (Воронеж, 2015).

Сам Белокрылов в то время сообщает в письме другу И.Ф. Веревкину: «...В конце сентября ездил в Тулу, на межзональный семинар-совещание молодых писателей, где встретился с очень интересными людьми, где, наконец, услышал о своем творчестве верные слова, и в числе трех товарищей из приглашенных 32-х (присутствовали из 10 областей) первым был рекомендован в члены Союза писателей. Такие вот, кажется, хорошие дела. Рекомендации для вступления в Союз дают мне Евг. Носов (Курск), Н. Почивалин (Пенза), Е. Люфанов (Воронеж) и рекомендация совещания, подписанная С. Орловым и Н. Евдокимовым — руководителем нашего прозаического семинара. Кстати, по его последней книжке поставлен фильм «Любовь Серафима Фролова». Если ты следишь за литературными газетами, то можешь прочитать о твоём покорном слуге и в «Литгазете», и в «Лит.России», и в наших областных, наконец...» (24.12.1971).

Позже Евгений Иванович Носов в одном из писем Белокрылову признавался: «Я по-прежнему тебя люблю и буду любить всегда, так ты мне пришелся по душе. Конечно же, я рад, что ты теперь в Союзе, потому что ты настоящий русский писатель не по строчкам только, а по всему складу своей души. Есть писатели от нечего делать, что ли... Ты — от природы!»

В письме Ивану Абросимскому (30.11.1972) Белокрылов делится радостью: «Недавно вернулся из Воронежа. Повесть моя, кажется, подписана в набор, приняли меня и в Союз писателей. Кажется, все хорошо».

Еще в 1971 году на встрече со школьниками Белокрылов рассказал: «...Новая книга будет о школьнике. Нет, не об отличнике пойдет в ней речь. Герой моей книги — Иван Вислов. Он хороший паренек. Но жизнь — штука сложная, а особенно в годы становления, формирования характера. Тут важно, что в паренёчке победит: завязь добра или зерна зла. — И тут же добавил: — А книгу так и назову — «Завязь»...»¹²

Из переписки с другом, журналистом и поэтом, Алексеем Иосифовичем Багринцевым: «...Нового, конечно, ничего нет, иначе известил бы как-нибудь. Роман (вероятно, «Жизнь как жизнь». — Т.Б.) отложил пока, доделываю когда-то начатые рассказы, ибо надо определить их до конца года по разным изданиям. Жду выхода книжки («Завязь». — Т.Б.), жду ответа из «Нового мира» и вообще жду, жду...»¹³

Повесть «Завязь» сам писатель считал удачной. В ней автор затрагивает проблему становления подростка, бросившего школу. Один шаг оставался ему до зла и падения... И все-таки тлел в нем росток сопротивления злу, завязь чистой веры и разумность и доброту... Прототипом главного героя стал племянник Белокры-

лова — Иван. В другого героя книги воплотился друг автора, неизменный спутник охотничьих троп, также умевший и любивший играть на гитаре и петь, Иван Колядин.

Продолжалась переписка и общение с Симоновым. Василию Алексеевичу, как и раньше, были важны его советы и рекомендации.

Два письма В. Белокрылова (из архива прозаика):

«Дорогой Константин Михайлович!

Отсылаю Вам свою наконец-то вышедшую книжку («Завязь», Воронеж, 1973. — Т.Б.), которую более двух лет томил в издательстве. Книжка эта, как мне кажется, завершает тему, начатую мной в первой повести и продолженную во второй.

Это и натолкнуло меня на мысль переиздать эти три вещи в одной книге, под одной крышей. Сведенные вместе, они, мне думается, прозвучали бы неплохо, к тому ж это дало бы мне возможность закончить, наконец, столько раз откладываемый в сторону роман («Жизнь как жизнь». — Т.Б.), и хотя надежды на это мало, намереваюсь поехать в Москву.

Хотелось бы увидеть Вас. В жизни моей намечаются, кажется, существенные перемены, и мне очень нужно с Вами поговорить. Не могли бы Вы написать, когда мне удобнее в Москву приехать и как предупредить Вас о своем приезде.

Рассказ «Половодье» с Вашим письмом после долгих раздумий отослал на имя главного редактора «Нового мира» в конце декабря прошлого года. Через три месяца, беспокоясь, нашло ли мое послание адресата (почта в связи с небывалой распутицей отправлялась всяким попутным транспортом), напомнил о себе. Еще через три месяца, не получив ответа, по-настоящему забеспокоился и написал еще раз, но уже в отдел прозы, попросив извинить меня, если мое беспокойство молчанием журнала необоснованно. Ответа пока нет. Не знаю, но мне кажется, что решить судьбу рассказа за полгода все-таки можно. Пишу Вам об этом к тому, что боюсь, не было бы у Вас каких-нибудь неприятностей в связи с тем, что я ваше письмо использовал как письмо рекомендательное.

Сейчас, несмотря ни на что, настроение у меня бодрое.

Здоровья Вам и всего доброго.

Любящий Вас В.Белокрылов. Июнь 1973 г.»

«20 января 1975 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Дела, ради которых я приезжал в Москву, в общем-то, не столь уж важны, для меня же они и значительны и неотложны. Дела эти — прикидка с целью попасть на Высшие литературные курсы, выяснение обстоятельств, связанных с переизданием сведенных под общую обложку молодежных повестей и, наконец, попытка узнать о судьбе своих рассказов, которые вот уже больше двух лет без всякого движения лежат в «Новом мире».

Если с курсами и с изданием книжки хоть в какой-то мере что-то намечется или прояснилось, то ничего этого я не могу сказать по поводу рассказов.

Один из них — «Половодье» — по многим причинам очень дорог мне. Если Вы помните, он был прочитан Вами, и я, по Вашему совету, вместе с Вашим письмом отправил его в «Новый мир»! Через полгода я получил письмо от подписью ст. ред. прозы И.Борисовой, которая сообщала, что рассказ понравился, что они его намерены опубликовать и просила прислать еще один-два рассказа, чтобы составить цикл. Я в это время сидел над романом и послал только один

рассказ. Вскоре я сам поехал в Москву и, естественно, зашел в «Новый мир». Борисовой не оказалось, и я говорил с членом редколлегии Ф. Тауриным, который заверил, что рассказы пойдут. Наконец, уже совсем недавно, я получил, опять же от Борисовой, письмо, смысл которого был для меня не совсем ясен, хотя я и догадывался, что эта неясность связана с приходом в журнал нового редактора.

В этот свой проезд я опять был в «Новом мире». И. Борисовой опять не оказалось — ушла в декретный отпуск, разговор же с Тауриным шел в том плане, что все пока неопределенно и поэтому, хотя рассказы нравятся, он как редактор отдела прозы ничего не может обещать. Более того, он осторожно дал мне понять, что может уйти из журнала, а поскольку Борисова, как мне кажется, уже ушла, то рассказы мои, надо думать, так и останутся лежать, как ненужное наследство ушедших из журнала людей.

Не знаю, сможете ли Вы как-то помочь мне — то ли обратить внимание Наровчатова на эти мои рассказы, то ли... В общем, не знаю даже, что тут можно сделать. Мне трудно просить Вас об этом, но другого выхода у меня нет. Так сложилось, что я застрял над романом, долгое молчание насторожило многих, и только публикация в столичном журнале, публикация именно сейчас, когда я на перепутье, благотворно сказалась бы на всем: облегчило бы возможность попасть на литературные курсы, ускорило бы издание книжки, помогло бы небесцельно предлагать что-то в другие журналы, изменило бы, наконец, отношение ко мне товарищей из Воронежа, куда я безуспешно пытаюсь перебраться вот уже второй год.

Вот, пожалуй, то главное, о чем мне нужно было поговорить с Вами после нашей короткой встречи в ЦДЛ.

Всего Вам доброго, всегда Ваш В. Белокрылов».

В ответ на письмо от 20.01.75 г. от Симонова пришла телеграмма:

«09.02.1975 г. Дерезовка Белокрылову Послал письмо Наровчатову тчк Будем ждать тчк Константин Симонов».

К сожалению, никаких свидетельств дальнейшей судьбы белокрыловских рассказов в журнале «Новый мир» найти не удалось.

А в 1975-м по направлению Воронежского отделения Союза писателей СССР Василий Алексеевич уезжает в Москву, на Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького. Годы учебы дарят молодому писателю новые знания и умения, новые знакомства.

В конце ноября 1975 года он пишет Э. Абросимову: «...У меня вроде бы все хорошо. И на курсах, и... Сейчас делаю одну книжицу для «Современника». Войдет, видимо, в нее какая-то старая повесть (может быть, та же «Завязь») и несколько новых рассказов, часть которых еще надо написать. В понедельник, т.е. завтра, еду в издательство для разговора. Будет, кстати, Е.И. Носов. Об этом узнал только что — минут пять назад позвонил мне писатель А. Ткаченко, который сейчас в Москве и который вот-вот должен нагрянуть в гости...»

А позже вновь о книге: «...В Москве готовится большая книжка, куда войдет и рассказ, который прошел в 6-м номере «Подъёма» за прошлый год» (1976-й, речь о рассказе «Половодье». — Т.Б.).

Занятия на курсах, знакомство с известными и начинающими писателями, жизнь в студенческом общежитии, встреча со старыми друзьями, среди которых были и ростовчанин Анатолий Гриценко, и алтайский поэт Николай Черкасов, обсуждение литературных произведений, дружеские застолья с неизменной гитарой и песнями и многое-многое другое, интересное и захватывающее, заполня-

ли все время. Эти два года расширили мировоззрение писателя. Но, пожалуй, главной оказалась дружба. Плотное единение мыслей, целей, стремлений и мечтаний, поддержка друг друга в самых разных жизненных коллизиях (и не только моральная), тесное общение и обмен книгами, в которых часто случались посвящения друзьям, — пожалуй, самый важный итог той поры. Среди однокашников по институту, сохранивших теплые дружеские чувства на долгие годы, были, кроме уже упомянутых поэтов А. Гриценко и Н. Черкасова, прозаики Александр Плетнев из Омска, Борис Бондаренко, Владимир Личутин и поэт Юрий Денисов из Москвы.

В 1977 году, завершив обучение на курсах, Василий Алексеевич возвращается домой, а затем переезжает жить в Воронеж. Обосновавшись в полученной от Союза писателей трехкомнатной квартире на улице Лизюкова, он продолжает творить.

В 1978 году в Москве был подписан договор с издательством «Современник» на издание новой книги — «Половодье». Книга вышла в следующем году стотысячным тиражом. Автор писал Э. Абросимову (4 июня 1979 г.):

«...Странно, что книжки пришли в Мамонию с таким запозданием. Но все-таки пришли, а мне вот авторские до сих пор не шлют. И купить негде, ибо в центральном магазине Воронежа их вообще не показали, а в других магазинах они разошлись к тому времени, когда я о выходе своей книжки узнал. Такие вот дела в России!»

И ниже: *«О романе («Жизнь как жизнь». — Т.Б.) затрудняюсь ответить с полной определенностью. По плану он должен выйти в конце года, но я всеми силами пытаюсь сделать так, чтобы его перенесли на год 80-й. Для этого есть очень много причин, о которых в письме не буду говорить. Надеюсь, что в июне в Мамоне побываю, в редакцию непременно загляну и в тесном кругу (2-3 человека) попробую внятно объяснить положение дел. Условились?..»*

В 1979 году во время встречи с друзьями-журналистами из родного района писатель рассказал о своем произведении: *«Роман многоплановый, в нем срезы жизни небольшого сельскохозяйственного района, типа Верхнемамонского, внешне вроде бы неприметные, но, в общем-то, конфликтные ситуации, герои — люди со сложными судьбами и крутыми характерами. Истина и ложь, добро и зло находятся в извечном своем противоборстве. Одним словом, жизнь как жизнь».*

В процессе работы автор обращается к журналисту Ивану Веревкину:

«Воронеж, 17 мая, 80 г.

Дорогой Федотыч!

Прости, что беспокою. Нужна твоя информационная помощь. Я очень застрял по второй части, ибо плохо знаю внутреннюю жизнь райкома партии, атмосферу, микромир... но не это от тебя надо. Мою героиню, второго секретаря райкома комсомола, я хочу определить по месту ее сущности — в тихую гавань: чтоб ни ответственности, ни командировок, но... должность райкомовская. Зав. общим отделом и зав. орготделом — это не одно и то же? Запутался я, потому что в последние годы, черт знает, как только должности не именовались!

Короче, без всяких проволочек напиши, чем занимается та же Ольга Федотовна. Может быть, Вале моей (героине романа) как раз и место Ольги Федотовны? Что там, в основном? Каково к ней отношение? (Не к реальной Ольге Федотовне, а к должностному лицу!)

На этом ограничусь. <...>

Обнимаю, твой В. Белокрылов».

Летом 1980 года, живя в Дерезовке и работая над романом, Белокрылов признается в письме жене Вере: «...Работа движется, но весьма туго, что меня в общем-то не удивляет и не настораживает: большой перерыв и осточертевший, много раз переваренный материал, который уже не вызывает ни воодушевления, ни радостного напряжения...»

Но, вопреки всему, писатель продолжает эту работу и готовит рассказы, которые выходят в журналах и газетах.

Из письма Ивану Абросимскому (октябрь 1980-го): «...отдал (в «Подъём») два своих рассказа: «Субботний вечер» и «В ожидании тишины». <...> Первый я вам читал в саду. Рассказ уже отправлен в набор. Пойдет он во втором, февральском, номере (вышел в первом номере за 1981 г. — Т.Б.) Рассказ «В ожидании тишины» будет напечатан чуть позже. <...> Рассказ этот мне дорог, он когда-то (в другом варианте и усековенный) печатался в «Молодом коммунаре», но я его, повторяю, сильно почистил...»

Именно этот рассказ стал последним прижизненным художественным произведением писателя, повторно напечатанным в коллективном сборнике «Березовая роща» (Воронеж, 1995).

А роман продолжал волновать, мучить писателя. В феврале 1981 года Белокрылов сообщил И. Абросимскому: «...Вторая часть продвигается с трудом, но теперь уже, чуя, скоро кончу — опять же чуя — придется мне за нее повоевать. Но это дело привычное».

В последующих письмах читаем: «К середине ноября думаю разделить со второй частью романа. Признаться, осточертел он мне по многим и многим причинам. В силу этого роман не выйдет таким, каким он задумывался, хотя многим страницам в нем рад».

К концу 1981 года (02.11.1981) Белокрылов вновь делился с И. Абросимским: «...Издательство наконец-то решилось выпустить первую часть романа отдельной книгой, и сейчас рукопись, очевидно, уже в наборе. Я сейчас занят над давно задуманным циклом рассказов для детей...»

Наконец, в 1982 году в Воронеже отдельной книжкой вышла первая часть романа «Жизнь как жизнь». Читатели и критики восприняли роман по-разному — отзывы были от восхищенно-положительных до откровенно негативных. Сохранился ответ Белокрылова на письмо читательницы Людмилы Малыхиной из Обояни, которую произведение взволновало.

«Уважаемая Людмила Дмитриевна!

Спасибо за доброжелательный отзыв о моей книжке.

Да, это только первая часть романа. Что же касается второй его части, то мне придется Вас огорчить. Вы, как я догадываюсь, человек, любящий литературу, и это очень хорошо. Но Вы, очевидно, не совсем ясно представляете себе литературно-производственный процесс, т.е. не знаете о том, что книга, уже написанная, не сразу попадает к читателю в готовом виде. Сначала она рецензируется, потом читается работниками издательства, ее обсуждают члены редколлегии, и, в конечном счете, между написанием книжки и выходом ее в свет проходит в лучшем случае два года, а бывает, что и больше.

Дело в том, что желания читателя и писателя не всегда совпадают. Читателю хочется прочесть повесть или роман целиком, а писатель может в чем-то сомневаться, он хочет знать, примет читатель или не примет его вещь. В таком случае и возникает необходимость издать лишь половину книги, дабы услышать мнение читателей, те отзывы, которые помогут избежать ошибок при работе над следующей книгой. Бывают и другие причины, побуждающие писателя издавать книгу не целиком, но это уже другой разговор.

Что я могу сказать? По договоренности с издательством, мой роман «Жизнь как жизнь» в целом, в завершеном объеме должен выйти в 1985 году. Понимаю Ваше нетерпение, но бессилён что-либо изменить. О героях романа мне и вовсе говорить трудно. Сейчас я работаю над второй частью романа и пока ещё и сам не знаю, как сложится судьба героев. Разве Вы знаете, что может случиться с Вами хотя бы через неделю? Так и герои книги. Они живут, и писатель живет вместе с ними, и часто бывает так, что он, писатель, не может распорядиться их судьбой по своему усмотрению и, тем более, сделать их такими, какими бы хотел их видеть читатель.

Вот, пожалуй, и все, что мне хотелось Вам сказать. Еще раз спасибо за письмо. С уважением, В. Белокрылов. 17.03.1983 г.»

Одновременно автор с болью сообщает в письме И. Абросимскому (16.03.1983 г.): «...А житуха не мед у меня. Не отвлекаясь на другое, скажу, что в закрытом письме из Госкомиздата отругали редакторшу моего романа за главу, в которой описан разговор Оли с матерью, когда мать рассказывает о причине измены мужу, Олиному отцу. Прицепились за фразу: «Не для тела, а для дела жила...», усмотрев в ней пошлость и прочее. Редакторша в отчаянии, и просит она меня сделать что-то, чтобы в Москве на роман появилась рецензия. Никогда я такими делами не занимался, но, видно, придется. Ведь человек из-за меня может пострадать. <...> Рецензия эта нужна и для того, чтобы вторая часть на свет появилась. Короче, понимаешь ты меня».

Высокопоставленные чиновники, узрев в романе отрицательные стороны из жизни Верхнеамонского района, не могли простить этого автору.

Сложная судьба романа, в основе которого лежала горькая правда о несправедливостях жизни — непозволительная «роскошь» тех лет, во многом надломила и судьбу автора. Ведь он возлагал на роман большие надежды, считая его написание и издание новой ступенью в творчестве, новой вехой. Василий Алексеевич признавался жене: «...Я оказался на том творческом перевале, когда должна была решиться моя художническая судьба, когда в первую очередь стоял передо мной очень жесткий в нашем деле вопрос — ползть ли мне по тому гребню, до которого добрался, или подняться еще выше, туда, откуда уже недалеко путь до вершин, где лишь немногие не задыхаются от разреженности воздуха. Решить это должен был мой роман «Жизнь как жизнь»...»

Хотя четкое понимание зыбкости писательской доли жило в нем всегда: «В моей работе может быть затор, она может (рассказ ли, повесть ли, роман) не состояться вообще или выйти плохо. Она может, наконец, не понравиться кому-то, кто работу нашу держит на прицеле...»

Все же, подводя итоги уходящего года, Белокрылов пишет И. Абросимскому (30.12.1983 г.): «...Второе по срочности дело — вторая часть романа «Жизнь как жизнь» и доведение до конца 5-6 начатых рассказов. Это, так сказать, программа-минимум, и дай мне бог сделать все это в новом году».

Спустя почти три месяца (12.03.1984 г.): «...Пора бы мне продолжить вторую часть...»

К сожалению, второй части романа так и не дано было прийти к читателю. В архиве писателя, разбросанном по разным адресам, незаконченная вторая часть не обнаружена. Возможно, где-то и сохранилась. Но где? А может, автор ее уничтожил? Что вполне можно допустить, знакомясь с горьким признанием писателя о том отрезке своего творческого пути:

«...Кто три раза переделывал первую часть романа? Уже не по воле рока, а по деянию людей я был жестоко поцарапан неумолимостью исполнителей земных

законов. Вот что происходило. Первая часть (в том виде, в каком я ее представил) исполнителей сначала напугала, второй вариант поставил их в тупик, третий кое в чем заставил усомниться. Итак, три варианта! Не знаю, чем бы успокаивала себя женщина, если бы (избавь от этого, боже!) перед ней стояла дилемма: оставить ребенка в живых, но по требованию тех, кто распоряжается судьбами людей, проделать над ребенком вивисекцию — изъять то или другое, что-то убрать, что-то видоизменить. К счастью, я проделывал это не на чем-то живом теле, а на бумаге, но на сердце моем оставались такие шрамы и рубцы, что живая кровь собственного тела не всегда была способна заживить нанесенные чьей-то холодной рукой порезы и рубцы. Нужна была передышка, и тогда я пил.

Это главный козырь в руках современных фарисеев — пил! Я уже говорил о трех вариантах первой части романа. Подчеркиваю еще: три! <...>

Будь проклят тот, кто родился художником! Никто не видит пишущего за столом, никто не знает, что конечный результат его трудов — книга — создается годами, достигается изнеможением сердца, мозговых клеток, износом нервов, тканей и клеток...»

К сожалению, судьба романов Белокрылова оказалась незавидной. Не был дописан и не увидел свет и роман «Земля держит всех».

Из письма Э.Абросимову: «...Предлагаемая глава из романа «Земля держит всех». Роман — крупный, многоплановый, о трех поколениях; события, описанные в романе, охватывают двадцать лет — с 42 по 65 годы. О наших местах — в основном о селе, как поднималось, как жили; будет и город — Москва, областной центр. В главе рассказывается о приезде из эвакуации Евдокии Роговой, дети которой будут центральными (вместе с главными) героями...»

И все же в память о прозаике друзья-земляки нашли и издали отдельные главы незаконченного романа «Земля держит всех», рукописи которого сохранил сын писателя, Александр Белокрылов. Книга эта была напечатана в домашней типографии малым тиражом (всего десять экземпляров) на родине писателя, в селе Дерезовка, в 2006 году. Эта библиографическая редкость представлена в Дерезовской библиотеке, носящей имя Василия Алексеевича Белокрылова.

А «порезы и рубцы» лечились творчеством — новыми произведениями — таков замкнутый круг жизни у художника. И другие замыслы звали вперед.

В письмах Белокрылова не единожды упоминалась книга для детей старшего школьного возраста «Русалочий смех». Из писем И. Абросимовскому:

«...В нашем издательстве по редакции литературы для детей старшего возраста запланирована моя книжка «Русалочий смех» (по названию одного рассказа). В книжку эту должна войти и старая повесть...» (13.01.1982 г.)

«Недавно встретил детского писателя Женю Титаренко. Он пожаловался: «Не знаю, что делать. Не могу писать. Гляжу на детей и не чувствую их...» Я тоже их не чувствую. Знаю, что конкретно они есть — но художественно их не ощущаю. Более того, я их боюсь, остерегаюсь: дети ли? Физически — да, но сущностью своей они во многом копию... своих пап и мам, в основном подвергнутых буму вещизма...» (07.06.1982 г.)

«...У меня все по-старому. На днях кончу, наконец, рассказ для детской книги. Получился он большим...» (28.01.1983 г.)

«Так вот, дел мне предстоит много. Во-первых, надо быстро-быстро написать небольшую повесть для детей, а она у меня пока не клеится, потому как должна она быть по тону похожей на «Мороженые яблоки». Я же этот «тон» в себе не найду, никак не настроюсь на него, и поэтому дело не движется...» (30.12.1983 г.)

Суда по всему, и этой книги не случилось в судьбе автора. Однако с большой долей вероятности, можно предположить, что вышедшая в 1985 году книга «У себя дома» для детей среднего и старшего школьного возраста как раз и стала воплощением той, ранее планируемой, только под другим названием.

В год 50-летия писателя в Воронеже планируется выпуск его юбилейной книги. Новую повесть для этой книги автор начал в 1986 году, давалась она нелегко. Белокрылов делился с женой: «...Ничего триумфального в моей деятельности сейчас нет. Более того, в ожидании душевного сдвига, что сразу явится прорывом в никому не видимой работе, всякие отвлечения мешают.

Перечитал я еще раз доклады, содоклады и выступления и пришел к мысли, что мое затянувшееся молчание — ей-богу, результат моральной усталости от всего, что являла моя личная жизнь и жизнь общества в целом. Закончить бы эту свою повесть и браться за новую вещь с новым ощущением, с пониманием того, что это кому-то нужно. Как же (знала бы ты) сушили душу явления людской жизни, до тошноты о материализованной...»

О выпуске юбилейной книги сам автор рассказал в письмах своему дерезовскому другу Василию Ивановичу Лустину:

«г. Воронеж, 30 июня 1987 г.

Василий, привет!

Собирался выбраться 5-го, потом 25-го и... ничего не вышло. Выстроилась целая цепочка обстоятельств, которые не позволяют мне выбраться из Воронежа. Дело в том, что по заключенному с издательством договору в моей рукописи должно быть 15 авторских листов. В книжку, сданную мной в конце марта (я ее должен был сдать к этому сроку год назад!), вошла повесть «Долгая неделя» (ранее называвшаяся «Меловатские мальчишки») объемом в 12 листов и пять рассказов в 5,5 листа. Учитывалось также предисловие, которое должен был написать Юрий Гончаров или Евгений Носов. С тем и другим была договоренность. Принимая во внимание листаж, указанных в договоре, представленный мной выходил за рамки. И директор и гл. редактор издательства пошли мне навстречу, два листа изыскали. Прочитавшая рукопись Давыденко (редактор книжки) в силу того, что ей очень понравилась «Долгая неделя», предложила подверстать к ней какую-нибудь другую повесть вместо рассказов, которые, как я и сам понимал, не состыковывались с повестью. Остановились на первой моей книжке. Это меня очень даже устраивало — «Под солнцем покоя нет» мне давно хотелось переиздать. Но... книжки у меня не было. Поиски ограничивались сроком. Один экземпляр удалось достать, а для расклейки нужна еще одна. Пришлось искать возможность перенять на РСМ, что тоже не просто. Когда, наконец, все это было сделано, мне захотелось дать и три рассказа, на что Давыденко пошла, но объем уже превышал 19 листов. Тут выяснилось, что Носов на лечении, а Гончаров укатил в Дом творчества, так как тоже затянул сдачу рукописи. Что было делать? Думали-гадали и решили, что вместо предисловия напишу я «от автора». Написанное мной вызвало разногласия, возник вопрос и об оформлении книжки. Главный художник (Р. Ратмирова), ратуя за хорошую книжку, дала понять художнику-исполнителю, чтобы он оформил обложку под седьмой переплет. Тот так и сделал (оформление обложки я видел — понравилось). А 7-й переплет — это ледерин. В ледериновых обложках (количество ледерина в издательствах лимитировано) выпускались книжки лауреатов (как у Носова, Троепольского, Гончарова и к 65-летию Кораблинова). Издательское начальство зачесало в затылках. Тут еще — обложка оформлена с учетом помещения фотографии, что тоже не предусматривалось. И последний по мне удар — заболела серьезно Давыденко. Вчера я был

в издательстве. Решено: дать книгу в твердом переплете. С включением «от автора», написанным так, как я написал, а вот вопрос с листажом — 5,5 лишних листов — пока не решен, ибо в Москве А.Свиридов, главный редактор. Рукопись моя у Тамары дома или в больнице с ней (сегодня должны узнать, а я узнаю завтра).

Сам понимаешь, уехать, оставив какие-то вопросы для себя открытыми, я не могу, и здесь сидеть надоело.

Как видишь, дал тебе полный отчет. <...>

Такие вот дела. Думаю, что через пять-шесть дней выберусь отсюда с Катюхой, а Вера берет отпуск с 25-го июля. Все! До встречи! В.Белокрылов».

А спустя некоторое время — следующее письмо:

«Дорогой друг, полковник Лустуано!

...Ты уже по обращению к тебе сразу смикитишь, что настроение у есаула Белокрылова игривое, а, стало быть, архиотличное. Иначе и не может быть, так как положение на главнейшем из участков фронта не только стабилизировалось, но явно наметилось к перевесу в нашу сторону. Это тем более отрадно, что во время моего отсутствия произошла скрытая перегруппировка сил противника, что грозило повторением от общей прозаической террористии трех рассказов и двух с половиной листов повестей, которые я должен был сократить. Опоздай я прибыть в губернию буквально на два дня, так бы и случилось. Иными словами, рассказы были затребованы из наборного цеха и к моему приходу в издательство лежали уже на столе моего редактора. Текст повестей я должен был сократить в верстке, то есть меня ожидало самое мучительное — кромсать живой текст.

Не стану передавать подробности (о них при встрече), скажу только, что террористический акт был предупрежден и ликвидирован, хотя и не без потерь. Однако потеря не столь уж значительная по сравнению с тем, что ожидалось...

Мне помешали: пришли гости... Закончу письмо с уверенностью, что... через пять дней явлюсь в Дерезовку.

До встречи. Твой Белокрылов».

Этой книге было суждено стать последним прижизненным изданием писателя.

В том же, 1988 году (18 марта), в письме И.Ф. Веревкину Василий Алексеевич откровенничает: «...Ваня, Ваня! Поверь, я никогда не жил только для себя. Да, так случилось, что я начал писать книжки. Но когда я начинаю какую-то вещь, я никак не думаю о себе, о каких-то для себя выгодах. Передо мной стоят люди со своими горями, маленькими радостями, своими проблемами... — и обо всем этом я должен (нет, не то), чувствую потребность высказаться. Литература — настоящая — всегда была и будет тоской по чему-то такому, чего для каждого в повседневной жизни нет. Если в произведении не осуществляется тоски автора по чему-то, чего для каждого не хватает, — это не литература, а номенклатура. Прочти с этой точки видения все мои вещи, и ты почувствуешь, ощутишь, ухватишь эту тоску...»

После неудачи со второй частью романа «Жизнь как жизнь» у автора «начались мучительные поиски других тем. Несколько раз всплывала мысль начать работу под общим названием «Пятый угол». Будут ли это рассказы, повесть, роман, он еще не знал, но идеей делился, чтобы принять окончательное решение. Ясно, в жизни пятого угла нет, но есть люди, которые пытаются его найти. Сомнения, мучившие его вначале, так и не были развеяны. Начатый

рассказ «Чики-чики» в процессе работы перерос в повесть. А повесть так и осталась незаконченной...»¹⁴

В мае 1987-го в одном из писем автор признавался: «Почти всю ночь не спал: обдумывал в деталях сюжет повести. Сюжет нащупывается, и помог мне в этом вчерашний «последний звонок» в дерезовской школе, где я присутствовал...»

В 1989 году на вопрос о творческих планах Белокрылов отвечает: «...Сейчас заканчиваю небольшую, листа в четыре, повесть «И ждет нас день...»¹⁵ Она о журналисте, о врачах, о том периоде в жизни людей, когда легко нивелировалась все личностное, индивидуальное, когда нравственные ценности стали подменяться ценностями преходящими — страстью приобретать, налаживать связи, когда вопросы совести, чести, уважения к ближнему и другие нравственные категории подавлялись стремлением к престижному и тому обманчиво иллюзорному, что привлекает лишь своей внешней стороной...»¹⁶

В августе того же, 1989-го Белокрылов сообщал в письме жене:

«...Что же касается моих планов и дел, я решил кое-что переиграть, и переигрывать еще придется много. Ах, время! Все пошатнулось, и неизвестно еще, в какую сторону повалится. Горбачев начинает напоминать мне девочку, которая желает и невинность совести и капитал приобрести. Загрызает с заграницей, — ладно, но с кем здесь, в стране? Не может ведь быть полного порядка в государстве при двоевластии, он же... при вселенских криках «Вся власть — Советам!» прочно сохраняет партийную власть, а она, власть партийная, и особенно на местах, — первый тормоз этой самой перестройке. Какой-то замкнутый круг. Но ладно, поживем — увидим...»

Как можно было соединить в себе и принять две взаимоисключающие жизненные правды? В 1973 году в беседе с друзьями о цели литературы Белокрылов говорил: «Она помогает человеку понять себя и развить стремление к истине, бороться с пошлостью в людях, уметь найти в них хорошее». И добавил тогда, что это святой наказ Горького писателям. Тому и следовал наш именитый земляк...

Но время перемен — перестройка — не разбирая, кто прав, кто виноват, выбросила за борт общественной жизни и литературу, и писателей. И в 1989-м он пишет о текущем литературном процессе, об озабоченности писателей его поколения: «...Русская литература всегда была совестью народа, своего рода барометром, показывающим в каком состоянии находится общество. Ведь литература, утверждающая общечеловеческие ценности, несет в себе и разрушительный, но, в конечном счете, очистительный заряд — срывает покровы с лицемерия и ханжества, обнажая пагубную сущность закостенелых канонов, созданных стереотипов, отживших представлений. Критическая направленность литературы как бы тревожила совесть, не давала покоя мысли, побуждала к каким-то действиям, вскрывала те «болевые точки», которые поражали наш общественный организм.

Что же касается текущего литературного момента, то он очень сложен. Во-первых, произошел как бы возврат в прошлое, в основном, в двадцатые-тридцатые годы, когда произведения многих писателей и поэтов, даже опубликованные, были изъяты из библиотек, подвергнуты осуждению и запрещены. И только с началом оздоровительных во всех сферах жизни перемен настал черед вернуть людям насильственно отторгнутые от культуры произведения... Читатель получил возможность прочитать прозу А. Платонова, М. Булгакова, Е. Замятина, Б. Пильняка, стихи поэтов О. Мандельштама, Н. Клюева,

М. Волошина, И. Северянина, Н. Гумилева, не напечатанные стихотворения М. Цветаевой, А. Ахматовой, Б. Пастернака <...> Книжки, ставшие достоянием широкого круга читателей (так называемая возвращенная литература), отличаются не только художественным совершенством, широтой остро поставленных вопросов, затрагивающих нравственные, социальные и идейные стороны бытия. Они притягательны и своей соотносительностью со временем, о котором на протяжении многих лет если и говорили, то придерживаясь официальной точки зрения: ликвидировано кулачество, а не нанесен удар в целом по крестьянству; общество очищено от вредных элементов, под видом которых пошли по этапам сотни и сотни лучших представителей интеллигенции, освободившей место для всякого рода карьеристов, выскочек и прихлебателей, на все лады певших осанну «вождю народов». Так вот, произведения тех лет, кроме своих художественных достоинств, несут еще и печать таинственного, запретного, а запретный плод, как известно, сладок.

Вместе с произведениями запрещенной литературы на страницы наших журналов хлынул и поток литературы русского зарубежья — той прозы и поэзии, которая создавалась русскими эмигрантами трех поколений. От этой литературы не отмахнуться, ибо она неотъемлемая часть общей русской культуры. <...> Это и произведения эмигрантов первой волны — В. Набокова, И. Шмелева, Б. Зайцева, и произведения представителей поздней эмиграции, таких как В. Некрасов, известный советскому читателю своим романом «В окопах Сталинграда», Г. Владимов, автор напечатанного в свое время А. Твардовским романа «Три минуты молчания», проза В. Войновича, стихи И. Бродского и многих других.

Эти два потока литературы, как и произведения советских писателей, книги которых подверглись жесткой критике уже в 50–60-е годы и не дошедшие до читателя (романы В. Гроссмана, В. Дудинцева, А. Рыбакова, проза В. Амлинского и других) естественно потеснили со страниц периодических изданий сегодняшнюю прозу и поэзию. Более того, написанные без оглядки на внутренний цензора, избежавшие, в конечном счете, давления цензуры официальной, книги эти как бы предъявили к писателям разных поколений более жесткий счет, вызвав необходимость подняться на качественно новую ступень мастерства как в смысле формы, так и в смысле раскованности стиля, насыщенности содержания фактами, которые до недавнего времени из рукописей вычеркивались как нежелательные, очерняющие нашу действительность.

Нельзя не учесть и еще одного обстоятельства — широкоохватного прорыва разведывательного отряда, как называют художественную публицистику, к тем негативным явлениям, которые считались порождением капитализма, ни в коем случае не присущим социалистическому обществу. Конечно, люди кое-что знали, кое-что слышали, но когда на страницах журналов и газет начали печататься статьи о проституции, наркомании, гомосексуализме, когда открыто заговорили о существовании в стране мафии, коррупции, рэкета, когда произошли столкновения на почве национализма — тысячи и тысячи людей оказались в шоковом состоянии. Интерес сместился в сторону факта, читателя стало привлекать все острое, горячее, щекочущее нервы, все то, что доныне было тайной за семью печатями. Художественная литература в силу своей специфичности не может, да и не должна, конкурировать с мобильными жанрами — быстро откликающейся на события журнальной и газетной публицистикой. Поэтому для литературы, задача которой постигнуть и осмыслить сущность человека, всего, что происходит с ним и вокруг него, видимо, еще не наступил свой звездный час»¹⁷.

И хотя тогда и запрещенные «возвращенные» издания на несколько лет вытеснили реальную современную литературу со страниц толстых журналов и альманахов, все же жизнь продолжалась — продолжалось и творчество. Белокрылов работал над рассказами, публицистическими статьями, сотрудничал с журналами и газетами. И вновь он «лечился» соками своей малой родины.

Из письма Э. Абросимову (28.01.1993 г.): «...За напечатание «Лильки» большое спасибо. Есть у меня еще предложение. В сентябрьском номере (№9–10 за 1992 г.) «Подгёма» напечатали мой рассказ «Лощина». Пытался я дать его целиком в «Коммуне», но не вышло, и дали они лишь кусочек. «Подгём» же, как ни жаль, издание не массовое и в розницу не идет. Верить ли, себе не смог нигде добыть книжки журнала. А рассказ (если точнее, то новелла) писался мной с прицелом на дерезовских жителей, которые не вмешались в свое время и тем самым дали перегадить и лощину, и поля, по которым протянулись канавы для трубопровода. Кстати, все так и вышло, как я писал в «Лощине». И вот... Не рискнете ли вы перепечатать рассказ в газете? <...> В желании моем <...> нет ничего корыстного. То есть, гонорар вы мне можете не платить. Перепечатка желательна с морально-этической точки зрения».

«Лихие 90-е», поставившие в стране все с ног на голову, несли душевную смуту творческим личностям. Они, как и весь озабоченный и измученный народ, были вынуждены искать работу ради куска хлеба для семьи, а сердце разрывалось от боли за судьбу Родины — России.

Василий Алексеевич с горечью писал: «...Видно, надо мириться с тем, что в жизнь сейчас, на первых порах, просто прут, вламываются люди, о которых раньше говорили, что они без Бога в душе и без креста на шее, хотя многие из этих так называемых деловых, предприимчивых, с коммерческим подходом ко всему, даже святому для людей, и в церкви, перед Богом, всяк по-своему уже успели отметиться. Им это легко: «дутые» крестики на шее они носили, не помня о Боге, носили для украшения, ну, а теперь, когда общество повернулось лицом к забытым святыням, они тоже спешат выглядеть детьми Христа в глазах мирян. Но видимость эта «дутая», как и крестики на их шеях, ибо так называемое тварное в них на первом месте, и молятся они не «дutomу» кресту, а раздутому кошельку!..

...Да, я всего лишь русский писатель. В силу происходящих в стране ломок я, как сотни и сотни из числа творческих работников России, оказался в незавидном положении, поскольку люди от коммерции, дабы быть в выигрыше, пустили в оборот ценности прошлого, наработанные трудом тех, кто в свое время, так же как и сотни мне подобных, еле-еле сводили концы с концами. Бунин, Платонов, Булаков, Набоков и несть им числа. Называю только писателей, а если взять философов, деятелей искусства, культуры, то имя им — легион. Процесс этот — восстановление порушенного, бывшего в забвении — закономерен, но источники уже иссякают, да и людям хочется читать о людях наших дней...»

Извечный вопрос русского человека «Как жить?» не уйдет из общества, пока есть люди на этой земле. Пока человечество мыслит. Смысл жизни, ее цель, приоритеты человеческих ценностей, духовные богатства, которые не падают в цене при любых условиях — эти темы всегда были, наверно, самыми важными для настоящих писателей. Последняя публицистическая работа Белокрылова «Возрождение России... или Человека?» была написана за год до его преждевременного и неожиданного ухода в мир иной. Боль за Россию пронизывает всю статью писателя и входит в сердце. Статья эта актуальна до сих пор, и только отдельные

детали относят ее к 1995 году. В том же, 1995-м, она вышла в журнале «Подъём» (№№ 9–10).

Вера Ивановна Белокрылова, жена прозаика, рассказывала спустя годы: «Василий не смог перестроиться, приспособиться к новым реалиям той жизни. В нем была такая мощная опора на ценности и принципы, переданные ему дедом, впитанные им с материнским молоком. Он, к сожалению, оказался одним из тех многих, кто меняться не хотел и не мог, кто ломался с болью и хрустом... Говорил мне: «Я не знаю, о чем писать? Что нужно нынешним молодым? Как можно все в стране перевернуть с ног на голову...» Вся я разуверился в этой жизни: зачем писать, если не печатают и не читают?»

...И все же, разбирая архив писателя-земляка, нахожу неоднократные свидетельства его творческой работы последних лет жизни («дерезовского периода»). В письмах упоминается цикл рассказов «Последняя женщина». Передо мной — наброски к рассказу об Андрее Ларгине («о незнакомом, тревожном звонке»), мысли к рассказу о Петре Болтове. Еще — первая страница рассказа «Испорченный день». Но, к сожалению, полностью самих произведений найти не удалось.

В переписке с женой во время его отъездов в Дерезовку, где ему всегда плодотворнее работалось, откровенное до боли признание писателя:

«Слова, которые ты сейчас прочтешь — не мои слова. Их написал в письме одной своей знакомой большой американский писатель Джон Стейнбек, автор романа «Гроздь гнева» и других очень хороших книг. Вот эти слова: «Писатель в силу своего одиночества пытается установить связь подобно посылающей сигналы далекой звезде. Он не уверяет, не поучает, не приказывает. Скорее, он пытается установить отношения, основанные на смысле, чувстве, наблюдении. Мы одинокие животные. И всю жизнь мы стремимся не быть такими одинокими. Один из наших древнейших способов — это рассказать историю в надежде, что слушатель скажет или почувствует: «Да, так оно и есть, или, по крайней мере, так чувствую и я...»

Это очень правдивые слова.

Тебе редко приходится говорить о себе. Думаю, что ты не испытываешь в этом нужды, и еще думаю, что ты в чем-то главном давно и навсегда уверена. Я не уверен почти ни в чем. Состояние это мучительно.

Так вышло, что я лишился двух миров: сначала жены, а, следовательно, семьи, потом того мира, который питал мое творчество. Один из этих миров я приобрел вновь — тебя и дочь. Второй мир я лишь могу вспоминать, не осязая во всей живой совокупности. Это тоже и мучительно, и больно. На этих утраченных сломались или не сделали отпущенного им многие: Шукшин, Рубцов, Прасолов... Назвал лишь ушедших от нас, а сколько мучатся, душевно корчатся живых, думающих, пытающихся обрести свое второе дыхание в этом почти чуждом им НТР-овском мире. Родившиеся почти на сломе двух эпох, они должны расстаться с ценностями корневого, устойчивого, чем была Россия по сути до 60-х годов, и плутать в свете реклам, в реве дискотек, в беготне машин и чаще всего деловых лишь встреч и разговоров...»

...А девяностые продолжали ломать судьбы и открывать людям глаза: страна катилась в пропасть. «Самый читающий в мире» народ забыл о литературе. Провинциальным писателем было, наверное, сложнее. Подавляющее большинство художников слова восприняло разрушение великой державы и «реформы» 90-х годов как общественную и свою личную беду. Но найти свое место в хаосе жизни, где не было направляющей силы в поддержке литературы, где не нужны были люди мыслящие, смогли далеко не все...

В это время Белокрылов признается жене в крахе своей литературной жизни: «Вот что, Вера! По возможности буду краток и скажу о главном. Скажу в основном о себе, вернее, о тех своих неурядицах и болях, которые не одной и не двумя занозами кровоточат в сердце.

<...> Успешная работа моя подменилась разговорами о ней или судорожными наскоками на чистый лист бумаги. Исписанные кипы, в конечном счете, не становились законченным романом, повестью, рассказом. Метания мои в твоих глазах превратились в суету, дерганье человечка, который, чувствуя свое неблагополучие, находил успокоение в одном — в пьянстве. Как я тебя понимал! Понимал и, поверь, ничего не мог поделать, ибо знал, что любая моя попытка объяснить сложность, сложившуюся в литературе в связи с перестройкой, не только меня, но многих и многих выбила из колеи, лишила уверенности в том, что сделанное тобой сделано хорошо и не подлежит оплеванию, как стало подлежать оплевыванию и осуждению все то, что было до появления Горбачева. И все же начатые вещи требовали какого-то иного подхода к себе, требовали искать иных решений, а это... Это для меня лично значило почти то же, что ни с того ни с сего начать переделывать уже построенный дом, в котором успел обжиться. К счастью, в последнее время наплыв отверженной литературы, как и литературы русского зарубежья, включая сюда и все, связанное со сталинщиной, стало надоедать, и в печати начали говорить открыто о том, что наш откат назад, поиски «клубнички» — книги о чем-то, что только разоблачает, фильмы о проституции и наркоманах с их притонами — все это глушит настоящую жизнь, не дает выхода книгам о нынешней жизни. Мешает движению текущего литературного процесса, в котором, вышло, нет места обычному человеку с его мытарствами, беготней по магазинам; порождает хаос, на волне которого новые имена модных ныне писателей, поддержанных в свою очередь нашими авангардистами в лице многих занявших в редакциях журналов и издательствах ключевые посты, стали давить поистине все, что отличается от их художественной направленности. Другими словами, чисто русскую литературу подмяла под себя западная ветвь. Им отданы были на откуп страницы журналов и газет, их интервьюировали радио и телевидение, им были посвящены всевозможные встречи и вечера. Все это не могло не подавлять, и это подавляло, лишало сил. Понять состояние писателя, сбитого с толку «новой волной», вынужденного разобраться в полемике, чтобы понять, кто же ты и где, среди кого твое место — понять это может только тот, кто хорошо знает невыносимую тяжесть рождения слова, твоего слова. А поскольку жизнь (и наша с тобой в том числе) шла своим чередом, требуя наличия денег, уверенности в успехе, возможности бывать там-то и там, ты меж тем не видела с моей стороны никакой отдачи — ни постоянной работы, ни уверенности в успехе, ни нужного количества денег. И день за днем разочаровываясь в человеке, которого когда-то считала удачным писателем, стала склоняться к мысли и почти убедилась в том, что ошиблась и вместо писателя обрела пьяницу, который запоями своими твои выводы отлично подтверждал. А я и в самом деле нуждался в успехе, моральной поддержке, но писательский успех не рождается так быстро, как он появляется при удачно спетой песне на эстраде; моральная же поддержка редко и очень немногими оказывается тем, кто временного успеха лишен. Короче, тебе в это время нужна была синица в руках, хотя бы синица, а не журавль в небе. И пусть синица иногда в руки попадала, ты уже не всегда довольствовалась ей. Я же со своей стороны, чувствуя, что ты от меня уходишь (не в прямом пока смысле), то терялся, то лютел, но не в силах чего-то изменить в течение недели, месяца, издерганный, опять ударялся в загул. Эти круги ада систематически прокручивались, как

ролики заснятой киноленты с одними и теми же персонажами, корчащимися пьяными рожами...»

Жизнь писателя в сложившихся условиях катилась под гору, а он уже не пытался что-то исправить...

В одном из писем Белокрылов итожит: *«Судьба писателя — суровая судьба...»*

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ:

«ЖИЗНЬ ЖЕСТКО ОГРАНИЧЕНА РАБОТОЙ И СЕМЬЕЙ...»

Василий Белокрылов вступил в литературную жизнь счастливым человеком: любимая жена Нина, сын Саша. Кочевой образ жизни не мешал семье: Новая Калитва — Верхний Мамон — Калач — Дерезовка.

Первую книгу автор адресовал *«Нине Белокрыловой — жене моей и другу моему — посвящаю»*. Уезжая на семинары журналистов, писательские совещания, учебные сессии в МГУ, Василий Алексеевич скучал, рвался домой, к семье. Там — тепло, понимание, любовь. Это помогало ему творить.

Трещина в семейной жизни случилась позже. Со временем она все разрасталась. Правоту каждой стороны рассудит Всевышний. Известно лишь, что Белокрылова сильно угнетало возникшее непонимание, нетерпение, несовместимость. Душевные переживания и терзания прорывались в письмах самым близким друзьям. Эти сохранившиеся упоминания и сквозь годы несут его сердечную боль.

С тяжелым чувством неотвратимости разрыва Василий Алексеевич уезжал в Москву, на Высшие литературные курсы. Вернувшись в Дерезовку после учебы, он узнал, что жена оставила его. Развод стал страшным ударом, хоть и не был неожиданностью. Видимо, надежда все еще жила...

Шок как будто погрузил его мир в туман, отголоски не покидали душу все годы жизни. Даже в 90-х, вспоминая тот период, он писал: *«...Я же, грешный, оставлен первой своей женой в тот самый момент, когда получил в этом проклятом Воронеже эту несчастную квартиру и приехал свою жену в эту квартиру увозить. И <...> ею было брошено: «Я с вами не поеду, я выхожу замуж!»*

Подножка судьбы вылилась в написанную Белокрыловым песню (на слова давнего друга, однокурсника по Литинституту, ростовского поэта Анатолия Гриценко) *«Переломлено надвое рулевое весло»*.

Из воспоминаний журналиста И. Абросимского¹⁸: *«...Особенно вынимала душу песня на стихи его друга, ростовского поэта Анатолия Гриценко о сломанном весле, которая стала постоянной в его репертуаре после того, как от него ушла красавица жена Нина, родившая ему сына Сашу. Гитара плакала, стонала, рыдала. <...> Каждый раз с невыносимой болью он посылал эту песню ей — Нине. На его и наших глазах наворачивались слезы»*.

Из письма И. Абросимскому: *«А не перебраться в Воронеж я, Ваня, не мог. В Дерезовке все изжито, разрублено одним безжалостным ударом человека, с которым была там связана вся моя жизнь. Не испытавшему это, это трудно понять...»* (18.01.1980 г.)

В Воронеже со временем происходят изменения и в личной жизни — Василий Алексеевич знакомится с милой и доброй женщиной Верой, создается новая семья. Белокрылов признает: *«...По воле ли провидения, по знаку ли судьбы, по велению ли Всевышнего, но мы должны были встретиться. <...> Ты пришла ко мне в самый трудный для меня момент...»*

А в 1980-м родилась дочь Катя. Писателю шел 43-й год, радость была непредсказуема еще три-пять лет назад, гордость теперь зашкаливала! В этом же году сын вернулся из армии. Большая семья в то время жила вместе.

Перипетии семейной жизни — в письмах другу И. Абросимскому:

«...У нас появилась дочь Катя, и поскольку ты сам отец, то отлично знаешь, что значит появление нового человека». (06.05.80 г.)

«...У меня все по-старому: понемногу работаю, хожу на всякие заседания, обсуждения, чествования и прочее, и это начинает надоедать, но деться от этого тоже некуда. Такие вот дела. Жена, сын и дочь не болеют, занятый каждый своим, я тоже — своим и каждым — так и идет жизнь...» (15.02.1981 г.)

Одновременно журналисту Э. Абросимову Белокрылов пишет:

«...На жизнь свою, друг мой, не сетуй: она у всех жестко ограничена работой и семьей.

...И под каждую крышей,
Как она ни слаба,
Свое счастье,
Свои мыши,
Своя судьба...»

(13.05.1981 г.)

И продолжает в письмах И. Абросимскому.

«...В семье нормально. Вот только предстоящая свадьба сына портит нервы и надолго, чую, выбьет меня из колеи. Но тут уж, как говорится, ничего не попишешь. <...> Вера с матушкой всем вам кланяются...»

«В семье у меня нормально, никто, слава богу, не болеет. Свадьбу сына «свалил». Надеюсь, и в твоей семье никакой «фори» нет. Это — главное!» (08.02.1982 г.)

«Сейчас я в роли сиделки: пребываю в раздерганном состоянии, занимаясь дочерью. Привезли ее две недели назад, надеюсь, так как это обещали, что детясли начнут работать после 20-го октября. Увы, вчера узнали, что ясельные группы начнут набирать аж после 20-го ноября. Работать не могу — Катюха — помощница при мытье полов, посуды, при приготовлении пищи, но стоит мне взять в руки книжку или сесть за стол — и она становится разрушителем — будто бес в нее вселяется. Надежды работать по ночам — заблуждение: к вечеру, к приходу с работы Веры, я ни к чему не способен — так устаю». (29.10.1982 г.)

«...Вот уже больше двух месяцев совмещаю обязанности отца и няньки. Открытие детского комбината... откладывалось с недели на неделю. Но наконец-то он... открылся, и мы туда свою Катюху отвели. Однако не успел я поверить в то, что теперь-то днями свободен, как дочь пришлось забирать обратно. Она простыла сильно. И вот я снова сиделка. <...> Рассказ поэтому лежит недоделанный... Поездка за материалом откладывается, а это... Это грозит мне тем, что договор на детскую книжку со мной могут не заключить, если уже не вычеркнули из плана, редактор «Подъема», заявивший по телевидению, что писатель Белокрылов пишет для журнала большой, художественно-публицистический материал, на меня смотрит как на болтуна; рецензию на роман «Донщина» задержал и мне теперь в Союзе вряд ли дадут подзаработать, а это пока единственная для меня возможность хоть как-то пробавляться. В таком вот я положении существую изо дня в день. Перед всеми виноват, всем должен и никто не хочет понять, что вот уже более восьми лет я никак, ну, никак не могу хотя бы на месяц полностью — подчеркиваю, полностью! — отдаться тому, что хочу выразить на бумаге. Выдадутся три-четыре дня, только приготовлю себя к работе, как что-нибудь (чаще всего долги или отсутствие денег) выбивает меня из колеи. И тогда я действительно запиваю. Ибо чую (поверь мне!), что это единственная возможность не сойти с ума или

что-нибудь с собой не сделать. Это не поза, нет! Впрочем, хватит. <...> На мое отчаяние не обращай серьезного внимания. Уверен, что выкарабкаюсь». (26.11.1982 г.)

«Намеревался я отчалить в Дерезовку. В плане — сбор материала для «Подгёма» и одной детской повести. Теперь поездка откладывается. Да и ехать нельзя: у сына жена и дочка сильно болеют, а я боюсь оставлять его тут совсем одного. А от меня помощь какая? Только моральная, но и это много, когда человеку тяжело». (07.04.1983 г.)

«...Личные, то есть семейные, дела мои в нормальном русле: дочь у тещи, но скоро перевезет ее в Дерезовку. Вера не болеет, я, в общем-то, тоже, хотя со зрением неважно. Но этого и стоило ожидать, и принимаю я эту напасть безболезненно...» (25.07.1983 г.)

«...Приехал (из Дерезовки. — Т.Б.), а дома дочь еще болеет. Вера на работу ходить уже не может, и я с Катюхой за няньку. Работать она мне не дает. Стоит сесть за машинку или взять ручку, она тут как тут: с разговорами своими все «памороки» забьет, как у нас в Дерезовке говорят. А мне к 1-му июля надо сдать рукопись повести. <...> Катюха моя смотрит мультик, но он уже кончился, и она уже топает ко мне...» (23.04.1985 г.)

...А во дворе катились перестроечные 80-е, грубо разбивающие стабильность «застоя» и несущие в жизнь пустые прилавки магазинов, продукты по талонам, дефицит, километровые очереди...

Из письма И. Абросимскому: «...Жизнь сейчас в Воронеже такова, что впору сбегать. Мне же и сбегать некуда. И моя собственная жизнь трудна. Она вот-вот должна круто измениться. Мне осталось немного, чтобы доделать конец романа. Нужна спокойная обстановка, которой просто не может быть, когда знаешь, что письменный стол не заменит кухонный...

Был на днях в издательстве... ходил к Крутских для разговора о выплате мне 60% гонорара за роман, ибо дожил, что называется, до ручки». (18.11.1980 г.)

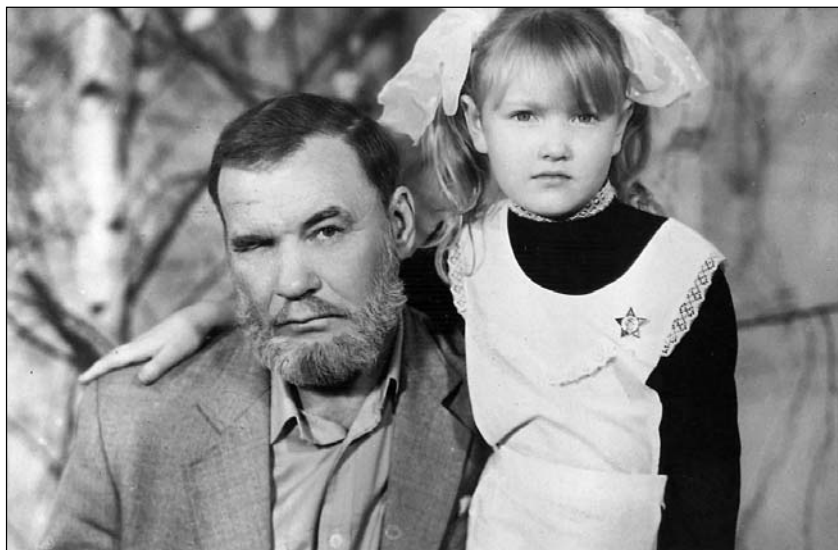
Характеристику жизни той поры В. Белокрылов дает и в письме другу И.Ф. Веревкину (15.02.1987 г.):

«Иван Федотыч, привет!

<...> Всякие дела подоспели: два партсобрания подряд, вечер памяти А. Пра-
солова, двухдневное совещание авторского актива журнала «Подгём» — съез-
дись прозаики из пяти областей... короче, встречи, впечатления и, естественно,
разговения. А в связи с этим и дома натянутость, что совсем выбивает из
колеи. Не странно ли: что считалось порядочностью (встретить и пропус-
тить с человеком по чарке) — стало хуже, чем преступление. Воровство, об-
ман, хамство, приписки — все мерзости стали вроде нормы жизни. А тут на
последние кровные угостишь кого-то или угостят тебя, и все, ты ничтоже-
ство, ибо под Указ попадаешь, каждый может тыкать в тебя пальцем, хоть
тыкающие, как правило, гаже в десять раз.

И вот в связи с этим. Идем мы с Володей Гордейчевым с совещания, он и
говорит: «Живем, как волки. Хочется зазвать тебя в гости, выпить по рюмке,
тут сразу мысль: <...> повода выпить нет, и вообще, по Указу, страшнее этого
нет ничего. И бежим друг от друга...»

Ну, а, в общем и целом, жизнь идет, и пусть она у кого-то идет нормально,
а вовсе не у тебя лично, все равно — продолжается она, жизнь, и от этого
никуда не деться...» (15.02.1987 г.)

В. Белокрылов с дочкой Катей. 1988 год

Проблемы внешние порождали проблемы семейные, о них писатель тоже высказывался в письмах: *«...О деньгах — этом омерзительном мериле человеческих отношений. Связанный, подобно лошади в путах, романом, я крутился, как мог, пробиваясь рецензиями, выступлениями, чтобы хоть как-то, но внести свою долю в семейный бюджет».*

«...В силу своих задатков способный на вещи с эпическим уклоном (роман, повесть), я и работать могу только в том случае, если знаю, что хотя бы в течение десяти дней меня ничто не оторвет от стола. Но необходимость хоть что-то заработать гнала меня за рецензией в издательство, в Союз, я, не показывая своего временного неблагополучия, включался в содружество временно благополучных и... срывался, разрываясь от сознания двойственности своего положения».

«...Вот ведь жизнь! В Воронеже хоть не выходи и сюда (в Дерезовку. — Т.Б.) хоть не приезжай. Все от тебя чего-то хотят, все чем-то озабочены, у всех какая-то, хоть и малая беда, и только ты должен скрывать, что самому не сладко».

В 1988 году Василий Алексеевич провидчески пишет жене:

«...Буду краток. Если судить по выступлениям, в повышение цен на продукты питания поверить трудно. Но паче чаяния... Не надо, Верунь, отчаиваться. Мы будем, и все будет. Короче, поддаваться психозу пессимистичности — дело человека недостойное, тем более, для нас с тобой, знающих, что человечество вообще где-то на грани... страшно сказать чего... если не гибели, то колоссальных по напряженности испытаний...»

Испытания не заставили себя ждать. Выживать городу тогда помогало село. Это правило работало и в семье Белокрыловых. Выручали картошка и другие домашние продукты, ими и жили. В селах у родителей Василия и Веры были огороды, которые спасали, и куры, и поросята...

При любой возможности, а с наступлением тепла — обязательно, Василий Алексеевич, обычно с дочкой, отправлялся в Дерезовку.

Писатель был связан с родиной не перерезанной при рождении пуповиной — питался от этой земли, лечился ею, воскресал здесь, набирался сил и вдохновения. Здесь были люди, рядом с которыми прошло детство, юность, молодость; их дружба и поддержка; память о деде и бабушке. А главное — любовь, тепло, понимание и всепрощение мамы...

Вера Ивановна Белокрылова рассказывала о свекрови: *«Прасковья Андреевна была очень, очень мудрой женщиной, что поразительно для неграмотной крестьянки! И мудрость эта была видна во всем: в рассудительности, твердости слова, упорстве, бесконечном трудолюбии. Только любовь к сыну была слепа, что абсолютно непонятно для матери. Она гордилась его достижениями, радовалась его счастьем, очень любила внуков, но жалела сына безоглядно в любой ситуации, даже там, где он был виноват сам... Простить и понять тех, кто, по ее мнению, был обидчиком Васи, не смогла до последнего дня».*

О матери Василий Алексеевич писал всегда уважительно и с любовью. *«...И мать болеет, не спит ночи от головных болей и от болей в желудке. Мои уговоры съездить в больницу на нее никак не действуют, слушать же ее стоны (как она их ни скрывает) до невыносимости тяжело. <...>»*

«...Вчера получила от матушки письмо с жалобой на здоровье и что в больницу ездила. А коль уж матушка, уверенная, что врачам велено всех пенсионеров на тот свет спроваживать, в больницу обратилась, коль уж она созналась в письме, что еле ноги волочит, значит, дело действительно плохо».

Белокрылов, не раз упоминая в своем творчестве и переписке родные края, постоянно говорит о своем желании «прикоснуться к родникам, именуемым родиной, отчим краем, местом, где я впервые открыл глаза и увидел небо, где начал познавать жизнь».

Из писем Ивану Абросимскому:

«...Через недельку, видимо, вырвусь в Дерезовку. Хочется походить по осеннему лесу, уток пострелять, думаю, опять насобирать, если они появятся». (10.09.1981 г.)

«Так загрустил по родным местам, что то и дело впадаю в какое-то нервное недомогание. Беспричинно, казалось бы, злюсь или испытываю полнейшее равнодушие ко всему, что можно назвать моей воронежской жизнью. Вроде бы внешне все хорошо: в шесть встаю, делаю зарядку, завтракаю с женой и, прослушав известия, сажусь за стол. И тут начинаются мучения, уже душевные. То, о чем хочется писать, где-то очень далеко; звуки, долетающие до меня с улицы, глушат ощущение первозданности и неповторимости того, о чем должны быть строки; они не поддерживаются ничем, что должно быть за окном». (07.06.1982 г.)

«Был в Дерезовке четыре дня — помогал матери с огородами. Никуда (имею в виду село) не ходил. Однако о моем приезде узнал Василий Лустин и прикатил немедленно. Мы как раз картошку сажали, и я попросил его отложить встречу до вечера. А вечером хорошо посидели на круче у Дона. Если не принимать в расчет, что я простыл немного, то все было отлично: пополневший Дон внизу, наплывающая оттуда прохлада, парочка уток (он и она), копошившиеся в затопленных кустах ольховника, доходившая горечь дымка от чего-то сжигаемого на огородах, неторопливый разговор. Редко такое дается, к сожалению. Обычно сбивается разношерстная компания, каждый лезет тебе в душу со своим, чаще всего мелочным, шкурным, и все сводится к обыкновенной выпивке, после которой не знаешь, куда себя деть. А вот на этот раз мы были вдвоем, и разговор шел обоим нужный». (23.04.1985 г.)

«Итак, я дома, наконец! По приезде сразу же искупался в Дону, подышал запахами выгона, и так просторно на душе стало. На второй день приехал Лустин. Втроем — я, жена и он — съездили в сад, потом часа четыре посидели на «Бабьей ...опе» — так называется у нас два придонских бугра с кустиком посередине. Эти два холмика с Дона, если плывешь на лодке, природа позаботилась так расположить, что они, в самом деле, своей конфигурацией похожи на женскую задницу. Название это давным-давно придумано людьми, а я всего лишь называю вещи своими именами.

Вчера сумел отпечатать три страницы повести, сегодня <...> сяду писать главу». (20.08.1985 г.)

«<...> А мне надо было ехать в Дерезовку, где и пробыл три дня. Рад, что два из них ушли на охоту. Полазил по придонским кручам, где мне всегда хорошо и можно одуматься; где я воздух могу специально глотать, стоя на каком-нибудь меловом шпиле, — оттуда и Дон виден, и пойма, и сосны, их зеленый разлив в седоватом тумане». (04.12.1985 г.)

«Весну почувствовал? Я — да. И по-всегдашнему потянуло меня к Дону. Хотел в конце марта вместе с Катюшкой махнуть на недельку в Дерезовку, но не сложилось. А так мечталось поглядеть на ледоход, что несколько раз во сне скрежет крыг слышал...» (26.03.1987 г.)

Дерезовцы ответно любили своего земляка, гордились им. На сельских сборах, которые зачастую проводили «люди из района», обязательно возникала тема белокрыловского творчества. И из зала кричали: «Вот когда Шолохова не станет, его заменит наш Вася. Талант немереный!..»

Родной Дерезовка стала и для сына писателя, и для дочери.

Из Дерезовки Белокрылов писал жене:

«с. Дерезовка, 13 июня 86 г.

...Приехали (с дочерью. — Т.Б.) в самую жару и сразу (после чая) пошли с Катюхой на Дон. Купались на прошлогоднем месте. Этой весной, правда, тут еще больше нагнало песка и чуть глубже стало. Но песок исключительной чистоты, и глубина не опасная.

Безлюдье в селе угнетающее. Дон тоже пуст, если не считать прибегающих искупаться ребятишек. Чаек нет, но коршунуы имеются, цапли на той стороне по траве расхаживают. Рыбы нет — месяц, говорят, на ущербе. Но чепуха это!

Только что я мог за эти два дня сделать? И сделаю ли? Катюха от меня ни на шаг. Как только проснется, сразу: «Пап, купаться пойдём?» Она, вполне понятно, согласна (и выдержит!) быть на Дону с утра до захода солнца, но мне-то... Эти два дня, вернее, полтора, и отбывал с нею наряд на Дону. Хорошо, хоть читал. Но все войдет в колею.

Знаешь, жутковато как-то вживаться в глушь, тишь и пустынность дерезовскую...»

«...За дочь свою не беспокойся. Она — не в пример своим сестричкам — целыми днями на воздухе, отсутствие шо-ко-ла-дов ее не тревожит, зато аппетит, с каким она лопает борщи, супы, мясо, помидоры, дыни, мед (мать купила, и Катюха может съесть его по вечерам по баночке) — аппетит ее может только радовать. За устными вечерними беседами прошли мы с нею части речи, главные члены предложения, вспомнили еще кое-что, дважды писали упражнения. Навязываю и чи-те-ние, статьи даже из газет. Морочливо, конечно, с нею, не без этого, но...

«Папа, папа, ты был сам такой же», — поет она из какой-то песенки...»

«Вера!

Не волнуйся ты бога ради! Доня твоя в пригляде: накормлена, напоена, обеспечена активным отдыхом — купаньем, беготней, качелями. Кроме обычной еды — борщей, супов, блинцов, вареников, мяса — употребляет молоко и различного вида витамины, в кои входят лук, черемша, укроп, цвет тыква, молоденькие листья свеклы, малина, смородина и даже изредка рыба, которая к витаминам хотя и не принадлежит, однако же является не менее ценным продуктом. Вечером засыпает мгновенно. Просыпаясь, идет ко мне, и, если позволяет погода, мы отправляемся купаться, бывает это до завтрака или после, смотря по обстоятельствам.

Короче, если ты можешь думать, что я не могу быть хорошим (по твоим понятиям) мужем, то Катя — ни сейчас, ни позже — никогда не скажет, что я для нее плохой отец...»

Стоило хоть ненадолго оторваться от семьи, Белокрылов тотчас писал им. В письмах звучало душевное откровение, забота и волнения, тоска и отчаяние, вызванные окружающей действительностью.

«Милая Вера! Катюшенька!

...Здесь хорошо. Кругом просто прет зелень, соловьиный бой в садах не смолкает и днем, травостой на выгоне густой, высокий, и к круче я хожу босой.

С делами по сбору материала дело обстоит хуже. Не подумал я, выезжая, о «свекольном буме», и в результате дни проходят почти впустую. Райкомы, правления колхозов почти что закрыты — все разогнаны по полям и «отловить» нужного человека весьма трудно. <...>

Эх, Вера! Не по душе мне теперешняя жизнь в селе. Люди в смысле обогащения окончательно опаскудились, речь у них только о рублях и о дополнительных надбавках натурой. Село просто вымирает в отношении духовности. Ну да об этом поговорим.

Болит у меня душа — как вы там? Ходит ли Катюха в садик или сидишь ты с ней дома? Я же постараюсь на той неделе приехать: не могу я без вас, тоска гложет. Соскучился я по вам, девчатки, так, что посадил бы вас сейчас обеих на колени и сидел бы целый час. Ей-богу! А поскольку сделать этого не могу, то кладу Катюхе веточку укропа с огорода — пусть понюхает, как пахнет негородской укроп.

Целую вас! Ваш В. Белокрылов». (24.05.1987 г.)

Однажды, когда жена уехала на курсы в Москву, Белокрылов писал ей:

«...Потом был у И. Развелся он с женой... Пришел я к убеждению, что надо быть большим изнутри человеком и делать свое главное дело (говорю о нашем брате-писателе), а остальное... Но до невыносимости ведь тяжело, когда тебя не понимает дорогой для тебя человек и, тем более, женщина. <...>

...Смотрел на наш «небоскреб» с каким-то недоумением: зачем он, если в нем Верки нет? Правда-правда! Ведь любое здание ценно не своим роскошеством или наличием в нем вещей, а присутствием в нем Че-ло-ве-ка! А уж дом тем более, имею в виду семейный дом.

Цветы поливаю, пустой чайник на плиту не ставлю... Дверь тоже запираю. Хороших тебе дней и приятных снов! Обнимаю и целую, твой Василий».

Но в жизни повседневной, в быту, в преодолении проблем и трудностей, в том числе и материальных, было ох как непросто. Прозаик признавался жене: «...Если б поняла ты, почувствовала как-нибудь на себе, как важно для творчества

душевное равновесие! Я же, болван, особенно чуток ко всему, за что себя несусветно кляню, сделать же, однако, ничего с собой не могу...»

Выбивало из колеи многое — и растерянность в литературном мире, и безденежье в семье, и неспособность перестроиться и найти себя в другой области занятий. Все чаще случались срывы, потом — покаяния. А семейная лодка раскачивалась все больше и больше...

Из письма жене:

«...Пойми, поверь: я всеми силами души и интеллекта пытаюсь покончить с этой хворью, но часто, очень часто болезнь настигает меня именно в тот момент, когда я этого не хочу. Причин тому не так уж много, но она не одна, и кроются они и в нашем с тобой доме. Как быть человеку, на которого смотрят как на ничто, если говорить мягко. Отлично сознаю, что мы с тобой во многом разные люди, но есть и много общего (вспомни хотя бы свои записи в тетради, подумай об одинаковости восприятия фильмов, музыки и об отношении к ханжеству, к ловкачеству). Этих общих черт я мог бы перечислить множество, но я чувствую, что это общее в нас утратило ту связующую силу, которая, видимо, нас и свела под одну крышу. Это общее отдано в угоду чему-то другому — скорее всего, непоколебимости в своей правоте и в уверенности, что я лишь способен отравлять твою (и свою!) жизнь и не смогу жить иначе. Но я должен смочь, и я смогу, если ты хоть на йоту откажешь себе в праве верить только себе, не сомневаться в своих суждениях и предположениях и протянешь мне руку, которой почти окончательно от меня отмахнулась.

Не стану говорить о тех бытовых и моральных мелочах, которые портят нам кровь. Быт, заботы с ним связанные, сиюминутные осложнения портят кровь сотням и тысячам.

Я искал и нашел человека. Так не надо же губить человека во мне и в себе тоже. <...>

Да, пьянство — это, как говорил отец медицины Гиппократ, добровольное безумие. В случае со мной добровольного малая толика, но сущности безумия это не меняет, что я сознаю и уверен, что сумею избавиться от этого безумия.

С надеждой на понимание, В. Белокрылов».

В 90-х из-за разногласий и ссор совместная семейная жизнь становилась все более невозможной.

Из письма жене:

«...Кончу просьбой ограничить наши отношения лишь заботами о дочери. Будем делать каждый свое дело пока под одной крышей, поскольку обстоятельства не позволяют мне сейчас сделать тот единственно правильный шаг, который прервет нашу борьбу друг с другом — борьбу за обладание правом на первенство, на правоту, борьбу за тот престиж, отсутствие которого сводит людей с ума. За первенство жизни с тобой я не боролся и бороться не хочу, в неправоте своей признавался и признаюсь впредь, если в том появится необходимость. Ну, а пресловутая престижность, в чем бы то ни было, мне всегда была в людях смешна. Хотел всегда быть только самим собой. Не изменю этому правилу и сегодня, и завтра, если даже через какое-то время появится возможность ухватить эту престижность, как хвост жар-птицы.

Успокою тебя уверением, что наше совместное пребывание под одной крышей не затянется надолго. Вот это, пожалуй, единственное, что я твердо могу тебе обещать. Пока же будем людьми, то есть найдем в себе силы ради спокойствия дочери мирно отсиживать за одним столом ужин и спокойно говорить о ее школьных и музыкальных делах.

Без зла и с пожеланием всего самого наилучшего, В. Белокрылов».

Когда-то, еще в 1980-м, прозаик писал о раздвоенности жизни писателя: «...Бедой человека с художественным складом души в том, что он живет в постоянной внутренней раздвоенности. <...> Есть такое человеческое качество как любопытство. Но одного любопытство привело к открытию материка, названного Америкой — Колумб, другого любопытство толкает к скважинам чужих дверей, и беда-то в том, что он отделяется, да и то изредка, прищемленным носом. Вот в этом постоянном видении истин с двух, а то и с трех, точек зрения и состоит мучительная внутренняя жизнь того, кто не в силах отказаться от желания сказать об этих истинах словом, кистью, резцом или звуком...»

Читаю Белокрыловские произведения, его письма и записки, говорю с его современниками — не могу понять и объяснить себе раздвоенности личности писателя: восторг вызывает литературный стиль и язык, интеллект и широчайший кругозор, доброта и честность, ум, логичность рассуждений и объяснений, и вдруг — необъяснимое, бесконтрольное, внешне беспричинное: хмельные застолья, часто с малознакомыми людьми, пьяные оргии... Это оправданно приводило к обидам на него и жены, и детей, разрастающейся пропасти между ним и семьей. Позже Белокрылов приходил в себя, и цельный сильный писатель вновь вставал в нем в полный рост.

«с. Дерезовка, 9 мая, 1991 г.

Здравствуйте, Вера и Катенька!

Вчера, 8-го, был по-настоящему майский весенний день. С утра (встал в полседьмого) — тишина, чистое солнце, бьющая в глаза зелень и соловьи. До этого щелкнет один-другой в вербах у яра и опять ждешь, а тут вдруг так взъярились, что, кажется, весь овраг, особенно на спаде к Дону, загремел их перекличкой друг с другом. Гладь обихоженных нижних огородов, купы взметнувшихся зеленым дымом верб, пробрызнувшая на обочине дороги мурава, жирные кусты крапивы у заборов и еще более жирующие лопухи — от всего этого веяло умиротворенностью, во всем чуялась наполненность соками жизни и, мнилось, что даже машины, до того гремевшие на дороге, издают ровный, не раздражающий гул...

Ну, а сегодня... Проснулся от сырой тяжести за окном, вспомнил, как гремело ночью в небе, и понял, что прошла гроза. И хорошо, что вчера догадался между дел вынести на солнце все постельное и успел перестирывать все вещицы — полотенца, рубашки, носки.

Кажется, прихожу в себя от задержанности людей в транспорте и на улицах города, от радио-телевизионно-газетной суетни и запутанности в предположениях насчет завтрашнего дня и от той душевной угнетенности, коя уж бог знает сколько длительное время стала моим постоянным ощущением. Поверьте, жизнь, почти лишенная смысла, — постылая жизнь. Чувствуешь свою ненужность, никак не избавишься от тягостного осознания того, что ты обманул чьи-то надежды и ожидания. Хорошо понимая, что лучшие умы России и даже практики — делатели жизни — мечутся в поисках выхода из неразберихи, мечутся в поисках новых для страны путей, сознаешь и более страшное — ненужность, несовместимость твоих собственных нравственных исканий с теми потребностями, которые вызваны сегодняшним днем. Ведь все в представлении мыслящих людей о вчерашнем и завтрашнем, будущем смешалось, искривилось, перевернулось и внутри почти каждого человека что-то сломалось. Пишущий, будь он поэт или прозаик, в этой ситуации оказывается в безвыходном тупике. Прежние его нравственные и художественные установки в лучшем случае подверглись сомнению, в чем-то потерпели крах и под обвалом

нахлынувших на него фактов того ужасного, что совершалось при его жизни, уже не могут быть той движущей силой, которая была основой, стержнем его творческого бытия. Создать же свою новую в новых условиях концепцию понимания прошлого и настоящего, нащупать связующие нити, которые бы соединили твою душу с ушедшим и наступающим не так-то просто, ибо, будь ты и семи пядей во лбу, трудно отрешиться от самого себя и еще труднее отмахнуться как от навязываемых тебе построений, так и не отзываться на требования нынешнего дня. А бытийная, чисто житейская необходимость быть, оставаться в глазах ближних тем, кем ты им виделся, кем ты для них был, — эта сторона твоего существования и подавно тебя раздавливает, превращает тебя в человека в глазах ближних несостоявшегося. А твои никому невидимые и никем неосязаемые мучительные поиски своего «я» ближними воспринимаются попросту потугами быть тем, кем ты не есть на самом деле. Образуется разрыв, раздвоенность между потребностью быть творцом и необходимостью оставаться просто человеком. И самое жуткое в том, что в силу невозможности что-то в короткий срок сотворить в тебе уже не видят ни творца, ни просто человека, а так, пытающуюся существовать личину, плоть с какими-то непонятными, а то и смешными требованиями ко всему и всем, и в первую очередь, конечно же, к ним, ближним.

Не сочти это, Верунь, за обычное нытье, за оправдание за неоправдываемое. Как бы ни тяжело и угнетенно на душе, найду в себе силы де-ла-ть!

Сейчас вспомнилось, как совсем недавно Катюха вдруг заговорила вечером об ужасе перед смертью. Господи, Боже мой, сколько передумано людьми за все века на эту довлеющую над жизнью человека тему! И вот... точно не помню — когда, но давно пришел к выводу, что если людям удастся разгадать тайну смерти (что стоит за ней?), произойдет страшное, скорее всего, смерть всего сущего. Грешным делом, подумывал, уж не моя ли это мысль? И вдруг потом, когда доступно стало кое-что из русских религиозных философов, и кое-что из Евангелия прочитал, выяснилось, что все религиозные мыслители и самовывод из учения Христа подводят к четкой мысли о заповеданности разгадки феномена смерти. Разгадать тайну земного бытия в земной жизни не дано, ибо это во власти верховного существа. Мучительно задумавшись когда-то (видимо, в восьмом классе) о случайности своего появления на свет, я, конечно же, не знал, что большинство религий и, в первую очередь, индуистская, земную жизнь человека принимает как трагедию, тягостность. Главное — душа, коя множество раз вселяется в другую плоть и через множество превращений (идея метемпсихоза), перевоплощения души достигает, наконец, такого совершенства и чистоты, что вливается в мировую душу. Так что мы (и с этим не спорит наука) не однажды гости на Земле. Все это я к тому, что сейчас, с возвращением к людям многого из того, что от них скрывалось, уже невозможно писать по типу: «Жили-были дед да баба, и была у них курочка Ряба...»

Ну, ладно, о сущем. Как я тебе уже говорил, высадили картошку — до двадцати ведер, много фасоли (ее будут, мать говорит, закупать), кукурузу, конечно, и все прочее. Вот луку, мне кажется, мать рассеяла маловато, но это легко устранимо: как только найдем саженцы, посадим.

Абрикосины в этом году счудили: отцвели пустым цветом еще до появления листьев; вишенники цветут, но у нас-то сад слишком жидок, чтобы что-то существенное ждать. Смородина и сливники многоцветны, однако плодики надо обрезать от воробьев, а сие не так-то легко.

Разлив Дона в этом году был богаче прошлогоднего, однако гадать сейчас, как залиты были озера, рано, как и рано думать о ежевичниках. В лес сейчас не заглянешь.

Вдосталь на огорожке зеленого лука, щавеля, петрушки. Проклюнулся редис, а вот твой любимый болгарский перец у матери почему-то не взошел.

Жалею, что не достал в Воронеже перед отъездом несколько саженцев яблонь, груш. Как-то не подумал об этом. Малинник обрезал, и, если все будет хорошо, лакомство Катюхе будет. Высажены и «материны бахчи», как я называю куртинку с арбузами и дынями.

Говорили мы с тобой о пленке, чтобы закрывать саженцы огурцов, да до пленки так дело и не дошло, а надо бы.

Такие вот дела, и на этом, кажется, кончу. На дворе опять дождь, и мое желание бывать у памятника Прокатова, где в день Победы ежевесенне проводится нечто вроде торжественного схода граждан села Дерезовки, видимо, так и останется желанием.

<...>

Всех вам благ! Обнимаю обеих! Ваш В. Белокрылов».

Возвращаясь в Воронеж, он вновь погружался в запутанную мутную атмосферу времени, где каждый пытался выжить сам, где не было возможности на что-то надеяться — перемены не просматривались даже на горизонте.

В 1994 году Василий Алексеевич по взаимной договоренности с женой вернулся жить в Дерезовку — семья осталась в Воронеже.

Когда-то уехавший в «неведомые дали», «блудный сын» Дерезовки возвращался сюда неоднократно: из Новой Калитвы, Калача, Москвы. Этот приезд стал последним — навсегда. Начинался новый отрезок его судьбы.

Впереди страну ждали новые испытания и удачи. А жизнь писателя размеренно, неотвратимо и несправедливо быстро двигалась к своему завершению. Но знать об этом не было дано никому...

«СПЕШУ БЕЗДУМНО НАЖИМАТЬ КУРОК...»

О себе Василий Алексеевич рассуждал немного. Как-то признался: «*Говорить о себе и трудно, и неловко*». Все то, что не давало покоя и удовлетворения, — насущные проблемы бытия копились на кончике его пера и делились с друзьями.

В письме Эмилю Абросимову читаю: «*...Что же касается всероссийской славы, ответить могу одно: и не льщу себя такой надеждой, и, честно говоря, как-то равнодушен к этому. И не только к этому, а и ко многому другому. Царствует кругом застой (переключился бы он на желудки!), полнейшее равнодушие людей к ближнему, пристрастие большинства плевать на все то, за что им платят, — все это в последние годы порядочными дозами лилось в душу и как-то подморозило ее. Не стал я, к счастью, циником, но и честолюбия не приобрел, чему также радуюсь. Дай бог, чтобы книжка («Мороженые яблоки». — Т.Б.) понравилась хотя бы одному читателю из ста, и это уже больше чем утешение*». (04.06.1979 г.)

Ивану Абросимскому Василий Алексеевич заявлял: «*В искренности твоего доброго отношения ко мне никогда не сомневался, не прислал же что-нибудь сразу (в газету. — Т.Б.) из-за чисто человеческого такта. Самоуверенным болваном никогда не был и не буду никогда!*» (18.01.1980 г.)

В Белокрылове удивительным образом уживались полярные свойства его натуры. Образованность, порядочность, скромность мирно соседствовали с необузданным, горячим, неукротимым нравом.

В жизни прозаик никогда не был замкнутым тихоней. О его бесконечных при-

ключением ходили легенды. Он своим поведением и рассказами любил подлить масла в огонь таких историй. Борис Таранцов как-то сказал: «То, что Василий Алексеевич рассказывал вживую, было ярче переложенного потом на бумагу. Его личность была даже ярче его таланта».

Много воспоминаний о том, что в молодости мимо дерущихся он не мог пройти, если была задета чья-то честь. Тогда — вмешивался.

Тот же Борис Таранцов рассказывал: «Соединивший в себе полуказацкие-полуцыганские крови, любил Белокрылов подражаться, силушкой помериться. Это была его стихия!»

А журналист Александр Багринцев вспоминал 60-е годы:

«...В Калаче тогда свирепствовала шпана. Силой ножей, кастетов и тяжелых кулаков она властвовала в ночном городе. Припозднившихся обывателей отлавливали, как зайцев, и потрошили карманы, снимали часы, а бывало, что отпускали в трусах и разутыми.

В такое крутое время Василий Белокрылов и Алексей Багринцев зашли вечером в ресторан, чтобы пропустить по рюмке и продолжить свой нескончаемый спор двух «Б». Сели за свободный столик. Разговорились в ожидании официанта. Вдруг подошли четыре плечистых лоботряса во главе с огромным рыжегривым Левкой-королем (это выяснилось позже) и на крутом жаргоне потребовали уступить им столик. Белокрылов был неизменно ироничен:

— А почему бы вам, ребята, не поужинать на подоконнике?

Ночные властелины города взбесились, а Левка-король вызвал незнакомца на разборку. Вышли в темный скверик. Левка бросился первым, но тут же с хрустом и диким воплем рухнул на землю. Белокрылов снял с его обмякших пальцев кастет и небрежно, будто окуроч, швырнул в кусты.

— Вставай, — говорит, — не скули, вторую руку я ломать тебе не буду, а то ведь и ширинку не сможешь растегнуть.

Так он стал непререкаемым авторитетом калачеевских блатарей...»

Писатель Виктор Беликов (г. Россось) считает: «...Экстравагантное его поведение — это чистой воды фрондерство, присущее также и Прасолову. В жизни и литературе оно было нужно для пробивания «ватных стен», для самоутверждения...»¹⁹

Наверное, здесь есть зерна истины. Рожденный в довоенной деревне, независимый и гордый мальчишка-безотцовщина привык самолично защищать свои (и не только свои) интересы, отстаивать права, доказывать собственные возможности и умения. Таким он вырос и возмужал, таким его знали и принимали друзья и знакомые. Буйный белокрыловский нрав просыпался не только во хмелю — он был дерзок по натуре, даже в трезвом состоянии. Пресмыкаться не умел.

Сам писатель признавал в конце жизни, что «беда подобных мне, живущих с душой нараспашку разудало-веселых людей в том, что они, как правило, нужны всем, но, в конечном счете, никому в отдельности. Этим и кончилось».

Уверена — за эту простоту, доброту, широту натуры, неумение юлить и врать, открытое для всех сердце и любили его друзья. Их поддержка и понимание были для писателя основой самой жизни.

Разъехавшись со своими литинститутскими однокашниками по далеким городам и весям, они не забывали друг друга. И летели из разных концов страны их письма, телеграммы, бандероли, звучали телефонные трели...

Сохранилась большая часть этой неравнодушной переписки, где застыли теперь отлитые в вечной неподвижности их радости и горести, успехи и огорчения... Но пожелтевшие листки, исписанные разными почерками друзей Василия Алексеевича, до сих пор хранят тепло их отношений и соперничества.

Казалось бы, столь неистовый, шумный, неординарный во всем человек не мог быть внутри очень скромным, тайны и боль свою хранящим так глубоко в душе, что даже близкие люди — семья, друзья — не были посвящены в его переживания. В откровенных разговорах и беседах с друзьями звучало много тем, но отдельные сложные моменты жизни писателя вскрылись лишь после его скоропостижного ухода. Писать об этом теперь у меня права нет, если сам писатель не делил те свои беды на части с другими. Сердечной боли было много, и эта боль была оправдана. Но — не выплеснута из души.

Еще в начале 80-х, отвечая на мучившие душу и сердце вопросы друга Ивана Абросимского, Белокрылов восклицал в письме:

*«...Приди ко мне и научи меня,
Куда идти, как жить на этом свете...
Еще дымит пустая гильза дня,
А новый день — патроном в пистолете.
Спешу бездумно нажимать курок,
И стрелянные гильзы скачут, скачут...
И ест глаза пороховой дымок,
Но эти слезы ничего не значат.*

Это стихи моего друга — Анатолия Гриценко. Не знаю, как быть, чтобы наши дни не дымились «пустыми гильзами», из которых пули не попали в цель». (15.05.1981 г.)

Социально-политические потрясения двух последних десятилетий XX века литераторы чувствовали острее других: оголенной кожей, обнаженными нервами. Оторвать свою судьбу от происходящего в стране было невозможно. О своей жизни в тех условиях Василий Алексеевич писал в письмах:

«...Когда становится совсем уж невозможно, знаю верное, давно испытанное средство: иду к пивному ларьку, заказываю пару кружек пива, потягиваю и слушаю, о чем говорят. Из услышанного делаешь вывод: э, батенька мой, да ведь твои беды по сравнению с другими — тьфу!»». (07.04.1983 г.)

«...о своей личной жизни, но я только могу радоваться, что у меня вроде бы не болит ничего; к своим болям я так давно привык, что перестал обращать на них внимание. <...> Меня сейчас мучают головные боли, воспалено глазное дно, но поскольку и читать, и писать могу, стало быть, все хорошо, все в норме». (30.12.1983 г.)

«...Много всяких сложностей скопилось, в создании этих сложностей отчасти виноват я сам. Что, например, говорить о так называемых творческих поисках, если большинство не знает, с чем таковые едят и что это вообще за штукавина. А это блуждание в темноте, натякание на всякие углы, понимание того, что вроде бы нацупанное тобой — всего лишь мираж, фикция, поскольку уже было... Искать поденщину — отложить главное, не искать приработка — ощущать пустой карман, а он, пустой карман, как ни странно, особенно жжется...» (13.08.1984 г.)

«Пока не до гитарных переборов...» — так определил характер этого периода своей жизни прозаик-земляк...

Крепкий русский мужик с былинной силой и несломленной правдой оказался бессилен перед тем исковерканным временем. Жизнь не давала опомниться. Надо было искать средства к существованию. Ни талант, ни способности, ни преданность литературе, ни чувство патриотизма никого не интересовали. Обстановка растерянности в литературной среде привела к тому, что одни писатели переходили на востребованные тогда темы и жанры: детективы, боевики, любовные рома-

ны; другие искали заработок на стороне... А кто-то и вовсе уходил из литературы. Их, оставивших творчество, тоже оказалось немало. Грустно то, что среди ушедших были таланты, как наш земляк-прозаик.

И вспоминается вдруг известная идея, что «тип «лишнего человека» — это порождение конфликтов, противоречий и социальных пороков определенного этапа развития русского общества». И если это так, то в эпоху перестройки и после «лишними» стали писатели? Наверное, время и история расставит истины той эпохи по своим заслуженным местам...

ВИСОКОСНЫЙ МАЙ ВАСИЛИЯ БЕЛОКРЫЛОВА. ПОКАЯНИЕ МЯТЕЖНОЙ ДУШИ

«Волею Божией тихо скончался и почил на скромном сельском кладбище верный сын России, ревнитель русской словесности, писатель Василий Алексеевич Белокрылов», — так писал в своей книге «У обрыва» писатель Леонид Южанинов²⁰. Случилось это 22 мая 1996 года.

Как и чем жил писатель в свои последние годы? Как уже упоминалось, последняя книга писателя была издана в 1988-м. Белокрылов продолжал писать, а спрос не было — страну шатало, штормило и корежило. Покоя под солнцем не было ни у России, ни у Василия Алексеевича.

Л. Южанинов, вспоминая, продолжает: *«Я встретил его в трудное время, когда его творческая судьба катилась вниз, когда перестроечные вихри безжалостно ломали литературный мир. <...> Последняя встреча с ним оставила у меня тягостное впечатление. Он лежал <...> всеми забытый и покинутый. Больной и убитый горем! Когда прощались, в единственном глазу Василия стояла такая неимоверная тоска, что мне показалось, что он увеличился вдвое и кричал...»*

Прожив год в Дерезовке, оторванный от семьи, от литературного окружения, от привычного писательского ритма, он заскучал, сник. В стихотворении «Так жизнь идет» (1995), написанном «в стол», Василий Алексеевич выливает свою душевную боль:

В родном селе за год все надоело.
Былое хоть зови, хоть не зови...
И пусть в работе накачал я тело,
Огня былого нет уже в крови...

Член Союза писателей России, друг Белокрылова со школьной скамьи, Василий Павлович Жилаев вспоминал: *«Как-то побывал у Василия Алексеевича в гостях. Жил он тогда с матерью в Дерезовке, оставив воронежскую квартиру. И увидел я у него гантели и гирьку пудовую. Перехватив мой взгляд, Белокрылов сказал, что решил привести себя в форму. А рядом на столе в пишущей машинке — листок с начатой статьей для журнала «Подъём». Как оказалось, последней...»*

В декабре 1995 года в Воронеже состоялась презентация коллективного сборника воронежских писателей «Березовая роща». Белокрылов был одним из авторов — его рассказ «В ожидании тишины» дополнил и украсил эту книгу. Из далекой своей Дерезовки Василий Алексеевич — впервые после отъезда из Воронежа — вернулся в город, встретился с коллегами, поделился душевной болью. А вернувшись домой, через несколько дней написал письмо своей знакомой. Теперь зная, что у автора впереди оставалось полгода жизни, письмо это особенно ценно его признаниями. Оно раскрывает то, как жил писатель и чем был наполнен его мир.

«с. Дерезовка, 10 декабря 1995 г.

Лена, здравствуй!

Помню, что обещал тебе сразу написать, но... Понимаешь, сразу по приезду дня три-четыре находился как бы вне Воронежа и Дерезовки, а потом откладывал письмо из-за чувства ожидания чего-то. Безусловно, не перемен в своей судьбе (глупо в моем возрасте надеяться на это), а ждал хотя бы неожиданностей, что ли, чего-то такого чуть-чуть необычного, неординарного в толкучке дней, однако, увы...

Внешняя сторона жизни в деревне (да еще и в зимнюю пору) напоминает засыпанную снегом степь: затаенное в своей неподвижности стылкое пространство. Даль сливается с небом, и видишь давно привычное глазу — черноту лесных урочищ, синеватые провалы степных оврагов и балок, откуда и на расстоянии охватывает густым холодом, да режущие взгляд черные строчки лесополос. И тишина... — осязаемо плотная, какая-то вневременная, настораживающая своей невидимостью и потому понуждающая вслушиваться, как ни странно, в самого себя — этакую снежную пылинку в этой безмерной тишине, которая, видимо, и ждет Землю после исхода всего живого на ней...

Извини, дай Бог, чтобы жизнь (наша, человеческая) так неостановимо и длилась на земле, но мысли, что мы, люди, уже почти изжили себя во всем главном и сузили свои помыслы и побуждения до потребностей одного лишь тела — такие мысли все чаще и чаще не дают покоя. Жизнью правит Князь тьмы, и уже бегут и бегут по русской земле бесенята со сникерсами в руках. Куда бегут, к чему бегут? Не знаю, но жутковато за детей, заманенных в разлив западной псевдокультуры, где на первом месте опасные игры во все то темное, чего человек стыдился во все времена. Ругаю себя за такие мысли, но они не оставляют. Старость? Одиночество? Едва ли дело только в этом, хотя, конечно же, сказываются и годы. Но, скорее всего, не давность собственного «я» тяготит и тревожит душу, а окружающее, та доминанта политики, которую проводят дорвавшиеся до власти перевертвыши и духовные упыри. И еще, конечно, постоянное ощущение пусть и не пустоты впереди, а одинаковости череды дней и ночей, не таящих в себе ничего сокровенно нового. Все уже как будто позади, и не ждет тебя возможность новых проявлений...

Поездка в Воронеж, вопреки ожиданиям, ничуть не всколыхнула. Город красивых женщин и обстоятельно деловых занудливых мужчин, умеющих слушать только себя, увиделся почему-то застылым и омертвелым. Жизнь с улиц и проспектов перелилась в подвалы, подьезды, в трафаретно обставленные квартиры, в которых царствует телевизор — этот механический монстр, убивающий в человеке собственную мысль и навязывающий «красивые» ценности западной цивилизации. И очень печально, что веками выверенное правило — «мера во всем» — забыто.

Невесело я настроен, да? Считай, что свойство моего характера перешло в свою противоположность. В связи с временным выпадом из жизни. Но Воронеж своим внешним ликом меня и в самом деле опечалил.

На Плехановской, 3 опять нет ничего, что могло бы вызвать какой-то душевный всплеск. Такое ощущение, как будто я не отсутствовал полтора года, а был на втором этаже только вчера. Из коротких разговоров с грустью понял, что ничего не изменилось, осталось все то же — групповая суета и отсутствие так нужного нам всем сейчас какого-то объединяющего начала. Вживания в новый экономический организм не произошло. И пусть Детева занесло, пусть грубым посягательством на общее выглядит его «якшание» с макаронной фабрикой или с какой там коммерческой структурой, однако попытку обрести финансовую почву под ногами, надо полагать, нельзя расценивать только

с полным осуждением и отрицанием. Я не говорю о Дегтеве как о человеке с его внутренним нравственным ядром, речь о направленности его практического «деяния». Каким иным может быть путь обретения журналом финансовой самостоятельности? Иное дело — как все это Дегтев и иже с ним провернули? Я человек никак не деловой, совсем «не пробивной», таковых, честно говоря, побаиваюсь, но, думаю, без какого бы то ни было грязца на руках при нашем пиратском рынке ничего не добиться. Хотя... черт его знает, и, видимо, мне лучше об этом помолчать, ибо я во всех этих коммерческих выкрутасах и изысках профан.

Скажу, что для меня лично поездка не состоялась. <...>

Всего оказавшейся ненадобностью, ненужностью для самых близких мне людей как бы перечеркивается весь пятнадцатилетний период моей жизни в Воронеже. Отторгнутый этими близкими людьми, я словно бы отторгнут и городом. Трудно и тяжело об этом говорить, поскольку сказанное мной может пониматься или только как жалоба, или как оправдание. «Жалобиться я не люблю, а оправдание всегда предполагает косвенное признание вины. <...>

Под расписку я взял один экземпляр «Березовой рожи». Девять — за мной. Как и условились, ты их забери! Две книжки возьми себе, одну как-нибудь при случае вручи Катюхе-горюхе, ну, а остальные останутся мне. Кстати, взятый экземпляр, да еще с автографами, я до Дерезовки так и не довез. Выпросил один хороший товарищ. И всегда так: или у меня выпрашивают, или отдаю сам, полагая, что делаю доброе дело, ибо книга — источник... и т.д. и т.п. <...>

...Не укладываюсь в срок с рассказом из цикла «Последняя женщина» для журнала «Дон», где рассказ уже ждут. Но и с этим справлюсь, где-то в середине января отошлю. Гонорара из «Подъёма» что-то нет. О начислении гонорара за статью меня письмом Стас Никулин извещал еще в июле, и теперь я думаю: какой может случиться гонорар, коль журнал еле-еле копыта тянет? <...>

С благодарностью за все доброе, В. Белокрылов».

Наступил 1996-й. Зима нового года была отмечена морозами и большими снегами. Белокрылов с другом-охотником Иваном Колядиным не пропускал возможностей поохотиться. Об этом и не только он постоянно рассказывал в письмах дочери.

«Катюша-злюша, здравствуй!

Не смотря ни на что, я был, есть и буду. Трудно, но ни-ча-во, как у нас гурьют. <...>

О том, что ты пошла в педагогический, услышал с удивлением. «Сеять разумное, доброе, вечное» очень даже тяжело на нашей многогрешной земле. На этой стезе тебя, взбалмошную, столько всего ждет, что и подумать страшно-

Вспоминая писателя

вато, но... лучше уяснить на своем пути, нежели идти по навязанному. Поэтому держись, а там посмотрим.

Письмо мое по поводу вот чего. Никогда за 10–12 лет не была ты в Дерезовке зимой. Так вот, приезжай на каникулы, а? Обещаю тебе тепло комнатное, тепло душевное; обещаю интересную охоту на зайцев и... Короче, ни с чем не уедешь. Если мать станет возражать или скажет, что все лишнее, тогда что ж... Тогда, значит, ни меня, ни вас и в самом деле не было.

Остаюсь с памятью о тебе, и большой и маленькой, В. Белокрылов.

P.S. Передала ли тебе тетя Лена антологию «Березовая роща»? Просил ее передать, поскольку тебе как будущей преподавательнице полезно будет знать о живущих в твои дни незначимых современниках.

Не поедешь, черкни. О чем мыслится, поделись. И да пусть будет с тобой соизволение Божье! В.В.»

Волею случая, при сборе материалов к литературному вечеру памяти писателя, прошедшему в Верхнем Мамоне 26 мая 2016 года, у меня оказалось, возможно, последнее в жизни письмо Белокрылова в адрес Владимира Ижутина. Письмо покаянное, в нем признание в потерях. Но здесь и планы на будущее — какие возможны в той его ситуации. Он пишет приятелю: «...Считай, я в подполье, на глубокое дне...» Выплыть не смог, выходит. Письмо приводится полностью, в авторской редакции.

«Дерезовка-на-Дону, 24.3.96.

Володя, здравствуй!

Письму твоему рад. Ответ пишу, предварительно подбрив свои усы и бороду. Вчера таскались по лесным озерам, пробили в общей сложности семь лунок (толщина льда в отдельных местах до двух метров), умаялись, а вечером, вернувшись, еще вздумали баню истопить, дабы пот выпарить. Пот выпарили, а щетина осталась...

Сейчас, после письма, схожу в лесополосу: яшень хороший на топорнице нужен. Для меня, как чувствуешь...

Уж не звучит рояль, и не звенит гитара,
Не слышится стихов, и песен не слышать...

(Это мой последний романс (и стихи, и музыка), который я спел в Воронеже).

Буду краток. Второй год я в Дерезовке, и это действительно уже прикагайские степи. Потерял квартиру, прописку в Воронеже, ну и, конечно, семью. Такова расплата за страсть к «добровольному безумию» (Л.Н. Толстой). Ну да от судьбы не уйдешь. Благо, что жив остался.

А вот о тебе слышал, что ты «дошел» в больнице после ножевого удара на Клинической. Видишь, как может все трансформироваться.

Ты прав, столько всего скопилось (событий, чувств, понимания), что письмом (если оно будет даже с версту) не отделаешься.

Конечно, встретиться надо, но в Воронеже смогу быть лишь после управки с огородами, после сева, да и то... сомнительно, потому что... Потому что сложно все в моей жизни.

Насчет книг. Вряд ли ты их отыщешь, особенно московские издания, но вот, на всякий случай:

- 1) «Под солнцем покоя нет», повесть; Москва, 1966 г., изд-во «Сов. Россия»;
- 2) «Весна начинается с гроз», повесть; Воронеж, 1967 г.;
- 3) «Мороженые яблоки», повесть; Воронеж, 1969 г.;

4) «Страна голубых снегов», сборник рассказов; Москва, 1971 г., изд-во «Сов. Россия»;

5) «Завязь», повесть; Воронеж, 1973 г.;

6) «Половодье», повесть; Москва, 1978 г., изд-во «Современник»;

7) «Жизнь как жизнь», роман; Воронеж, 1983 г. (роман вышел в 1982 г. — Т.Б.);

8) «У себя дома», повесть, рассказы; Воронеж, ... (?) (1985 г. — Т.Б.);

9) «Долгая неделя», повесть, Воронеж, 1989 г. (повесть вышла в 1988 г. — Т.Б.).

Много было публикаций в периодике, но... Нашел бы «Подъём» за минувший год (июнь или июль) с моей публицистической статьёй «Возрождение России или... Человека?» Статью, правда, подсократили, но, думаю, она произвела бы на тебя впечатление и в урезанном виде.

В декабре прошлого года вышла любопытная антология «Березовая роща», выпущенная Воронежским университетом (автор письма ошибается, сборник выпущен журналом «Подъём». — Т.Б.), куда вошел и мой один рассказ. Книжка, повторяю, интересная, но, думаю, она разошлась по «нужным» только людям из-за малого тиража.

Кстати, будут попадаться книжки, имей в виду и меня, грешного, ибо книга у меня ни одной. А они мне будут нужны для оформления на пенсию, если таковой дождусь, и если такая будет назначаться, ибо наш брат, писатель, ходит во врагах нашего правительства из-за национальных вопросов и геополитических позиций по поводу России.

Пиши, буду рад. Считаю, что я в подполье, на глубоком дне. В декабре прошлого года был в Воронеже, но... лучше бы не ездил! Хорошо, Витька (сиречь Шампанский) отозрел душу.

Всех тебе благ!

Твой искренне В.Белокрылов.

P.S. Чтоб тебе было вкратце понятно, поясняю. Из квартиры я ушел с рюкзаком, куда покидал необходимое бельишко, и с пишущей машинкой, которую дочка хотела оставить себе «печатать научиться». Книги — там и... все осталось там.

В Дерезовке у меня дом (две половины по две комнаты, разделенные кухней и прихожей), сарай, летняя кухня, 35 соток огорода.

Держу индоуток (мускусная утка, южноамериканской породы), кур. В этом году думаю брать кабана, пару барашков, дабы откормить к осени. Рыбачу, охочусь, пишу, прошлой весной принимал участие на севе (две недели).

В отопительный сезон дом, особенно свою половину, круглосуточно держу в тепле. За верхним огородом — выгон, за которым (в трехстах метрах) круча и Дон. Живем вдвоем с матерью. Будет охота, новости; обижен не будешь.

Привет твоей мамаше, дай ей Бог здоровья. В.Б.»

Двадцать первого мая девяносто шестого года Белокрылов поехал в районный центр, где были дела и ждали друзья. Вернуться тем же днем не получилось — остался ночевать в доме друга, Ивана Федотовича Веревкина. Ночные сидения писателя с друзьями завершились предугренным сном, которому не суждено было прерваться. Мятежное, бунтарское сердце остановилось на рассвете двадцать второго мая, так и не осилив вихревых бурь, порожденных новым жестоким временем.

«...Нелепая смерть писателя-земляка, похоже, была неизбежной. Он, по воле ли своей или безволию, приближался к трагическому финалу. Некогда легко баловавшийся двухпудовой гирей, делавший стойку на одной руке, крепкий, как закаленный орех, Белокрылов в какое-то время сильно сдал. Борода его, по молодости черная, цыганская, поредела, поседела, точнее, даже пожелтела, глаза

слезились... Сломало его не только физически. Был надломлен сам дух. А тут еще невостребованность творческого потенциала писателя, неустроенность, ломка всего и вся...» — вспоминал Эмиль Абросимов.

...Земляки содрогнулись, услышав горькую весть о кончине писателя. На похоронах было столько людей, что маленькое сельское кладбище оказалось тесным. Троекратный оружейный залп (по казачьему обычаю) сменился вечной скорбной тишиной.

«Лишь донские ветры да степной ковыль пели ему прощальную песнь» (Л. Южанинов).

...Как-то, рассуждая о крестьянском труде, Василий Алексеевич писал: *«Люди и земля... Человек без дела не может. Но и земля без человека зарастает сорной травой. Союз их вечен!»*

И в этом вечном союзе в конце жизни человек сливается со своей землей.

...Вместе со своим веком канули в Лету «безбашенные, лихие 90-е». А потрянутое для литературы время все идет. Интерес к книге, к сожалению, не проснулся. И школьная, и воспитательная работа по приобщению к чтению, разрушенная в последние десятилетия, так и не возрождается практически. И, кажется, звучит сквозь толщу лет писательское: *«Обернитесь — я здесь!..»*

Когда-то Белокрылов сказал: *«Хочу верить, что мои земляки шагнут дальше в своей любви к книге, печатному слову, в духовной культуре, без которой даже хлеб бывает пресен».*

Хочу верить и я, что желание писателя исполнится.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ В. Белокрылов. Нерасторжимая связь. — «Донская новь», 12.10.1974 г.

² В. Звягин. Тишины Донской Напевы. — Дерезовка, 2004 г.

³ Н. Басов. Кому выпало жить...: К 70-летию газеты. — «За изобилие», май 1998 г.

⁴ С. Ляшова-Долинская. Россось помнит писателя Белокрылова. — «За изобилие», 01.06.2007 г.

⁵ Случай описан в книге В. Звягина «Тишины Донской Напевы». — Дерезовка, 2004 г.

⁶ А. Багринцев. Быть добру! — Воронеж, 2015 г.

⁷ Э. Абросимов. Я верую в свое предназначенье... — «Коммуна», № 10, январь 2000 г.

⁸ А. Прасолов. «И душу я несу сквозь годы...» — Воронеж, 2000 г.

⁹ С. Ляшова-Долинская. Россось помнит писателя Белокрылова. — «За изобилие», 01.06.2007 г.

¹⁰ Письмо опубликовано в книге И. Абросимского «Грани» (Воронеж, 2012 г.).

¹¹ Письмо опубликовано в книге И. Абросимского «Грани». — Воронеж, 2012 г.

¹² И. Паховов. Встречи в Дерезовке. — «Донская новь», 28.01.1988 г.

¹³ Полностью письмо опубликовано в книге Е. Новичихина «Штрихи. Воронежские писатели второй половины XX века. — Воронеж, 2015 г.

¹⁴ В. Звягин. Тишины Донской Напевы. — Дерезовка, 2004 г.

¹⁵ Отрывки из повести «И ждет нас день...» были напечатаны в газете «Донская новь» №№ 75–78, июнь-июль 1989 г.

¹⁶ И. Веревкин. С мыслью о человеке и его деле на земле. — «Донская новь», май 1989 г.

¹⁷ И. Веревкин. С мыслью о человеке и его деле на земле. — «Донская новь», май 1989 г.

¹⁸ И. Абросимский. Избранное. — Воронеж, 2015 г.

¹⁹ С. Ляшова-Долинская. Россось помнит писателя Белокрылова. — «За изобилие», № 68, 01.06.2007 г.

²⁰ Л. Южанинов. У обрыва. — Воронеж, 2007 г.

